

WIADOMOŚCI POLSKIE ПОЛЬСКИЕ ВЕДОМОСТИ

1 (53) - 2017

PISMO POLAKÓW Z POŁUDNIA ROSJI / ИЗДАНИЕ ПОЛЯКОВ ЮГА РОССИИ

Dyktando polskie-2017

Ludmiła Stiepanowa-Mulawka – zdobywczyni dyplomu I stopnia

В годовщину освобождения войсками Красной армии концентрационного лагеря Освенцим — **27 января** — во всём мире вспоминали жертв Холокоста (массового преследования и уничтожения фашистами евреев).

29 января 2017 года в Краснодарском центре национальных культур состоялся вечер памяти «Чтобы жить», организованный Краснодарской краевой общественной организацией Общество еврейской культуры «Шалом» и Краснодарской региональной общественной организацией Польский национально-культурный центр «Единство».

О Дне памяти жертв Холокоста присутствующим напомнили председатель Общества еврейской культуры «Шалом» Марина Ушкалова и председатель Польского национально-культурного центра «Единство» Александр Селицкий.

Начальник отдела управления по взаимодействию с институтами гражданского общества департамента внутренней политики администрации Краснодарского края Сергей Мозговой подчеркнул важность таких встреч, особенно для молодёжи, которая должна знать и помнить историю, чтобы ужасы Холокоста не повторились никогда.

Александра Саяпина, руководитель молодёжного крыла общества «Шалом», рассказала о восстании в Варшавском гетто и освобождении советскими войсками Освенцима.

Мария Литвинова, выпускница молодёжного еврейского лидерского курса «Мецуда», выступила с докладом «О праведниках народов мира».

Продолжила тему праведников Ольга Сторчак, член Польского центра «Единство», с сообщением о Праведнике мира — Яне Карском.

Вице-председатель Польского национально-культурного центра «Единство» Ян Карбовницкий рассказал о 75-й годовщине создания Совета помощи евреям «Жегота», действовавшего в оккупированной фашистами Польше в 1942–1945 гг.

Выступление Мирры Соломоновны Гуницкой, очевидицы страшных событий войны, до глубины сердца тронуло всех присутствующих в зале.

О польском католическом священнике еврейского происхождения Ромуальде Якубе Векслер-Вашкине рассказывала преподаватель польского языка Ануш Заблодская, которой посчастливилось стать его ученицей во время обучения в Католическом университете Люблина.

12 февраля 2017 года в Краснодарской центральной городской библиотеке имени Н.А. Некрасова прошёл диктант по польскому языку, организованный КРОО ПНКЦ «Единство» и ставший прекрасной возможностью для многих оценить свои знания.

Диктант проводился не только для членов организации, но и для всех желающих. Текст для диктанта был приурочен к годовщине освобождения Краснодара от немецко-фашистских оккупантов — это небольшой отрывок из рассказов Януша Пшимановского, его фронтовых воспоминаний.

Текст диктанта был зачитан паном Яном Карбовницким. Пока комиссия разбирала работы, сами участники диктанта снимали стресс перед оглашением результатов, просмотром документального фильма о Варшаве Фридерика Шопена.

По итогам были выданы дипломы для первых трёх мест, а также сертификаты об успешном написании диктанта.

25–26 февраля 2017 года в Новороссийске при поддержке администрации Краснодарского края, муниципального образования город Новороссийск и Посольства Республики Польша в Москве прошли Дни польской культуры, посвящённые 10-летию образования новороссийского филиала Краснодарской региональной общественной организации Польский национально-культурный центр «Единство» и 60-летию председателя новороссийского филиала Юрия Баля.

В рамках мероприятий состоялись экскурсии по Новороссийску и в Абрау-Дюрсо, а также большой польский концерт.

В днях польской культуры приняли участие председатели польских организаций

Юга России и фольклорно-этнографические коллективы и отдельные исполнители из польской диаспоры. Почётными гостями празднования стали руководитель консульского отдела Посольства Республики Польша в Москве пан Марек Зелиньский, заместитель главы муниципального образования город Новороссийск, управляющий делами Надежда Александровна Галкина и советник главы муниципального образования город Новороссийск Константин Викторович Антонов.

Участники мероприятий подчеркнули важность укрепления дружбы между народами и гармонизации межнациональных отношений в современном мире.

23–25 февраля 2017 года в столице Карелии — Петрозаводске — прошли III Зимние Полонийные Игры Северо-Запада России. В них приняли участие 70 представителей семи общественных полонийных организаций из разных городов: Санкт-Петербурга, Великого Новгорода, Котласа, Архангельска, Петрозаводска, Медвежьегорска и Пудожя. Соревнования по конькобежному спорту, лыжным гонкам, слалому и спуску на «ватрушках» проходили в спортивном комплексе «ЛУМИ», республиканском лыжном комплексе «КУРГАН» и спортивном комплексе «ГОРКА». В рамках программы Игр были проведены также состязания по метанию валенка и бросанию шишек в корзину. Почётными гостями Игр стали Анджей Ходкевич, генеральный консул Республики Польша в Санкт-Петербурге и вице-консул Эдыта Недзьведзка.

Зимние Полонийные Игры скрасило выступление молодых дарований Студии эстрадного вокала «Альтернатива» из посёлка Пяльма Пудожского района. Ребята пели песни на польском, украинском и русском языках. Также интересным было показательное выступление Клуба исторического фехтования на польских саблях и пальцатах «KORD».

Первое командное место заняла Карельская Полония, второе место у команды из Великого Новгорода, третьими стали представители Полонии Санкт-Петербурга. Четвёртое и пятое места заняли соответственно команды из Котласа и Архангельска.

Победители и призёры были награждены кубками и медалями Министерства по делам молодёжи, физической культуре и спорту Республики Карелия, а также памятными подарками от Генерального консульства Республики Польша в Санкт-Петербурге.

Соревнования стали настоящим праздником спорта, дружбы и взаимопонимания народов.

Национально-культурная автономия поляков Карелии «КАРЕЛЬСКАЯ ПОЛОНИЯ» сердечно благодарит за оказанную помощь и поддержку в проведении соревнований Министерство по делам молодёжи, физической культуре и спорту Республики Карелия, Администрацию Петрозаводского городского округа, Петросовет, Типографию *VP Print*.

25 февраля 2017 года в органном зале римско-католического храма Святого Станислава при полном аншлаге состоялось торжественное награждение и гала-концерт лауреатов III российского-польского органного конкурса *Xxx Polonica Petropolitana 2017*, прошедшего в Санкт-Петербурге с 19 по 25 февраля 2017 г.

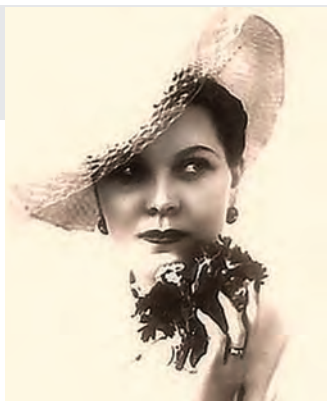
На церемонии присутствовали: генеральный консул Республики Польша в Санкт-Петербурге Анджей Ходкевич, председатель культурно-просветительского общества «Полония» Чеслав Бласик, проректор по научной работе Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н.А. Римского-Корсакова Наталия Брагинская, настоятель прихода Святого Станислава отец Кшиштоф Пожарский и другие официальные лица.

Главный приз конкурса Санкт-Петербургского культурно-просветительского общества «Полония» и настоятеля прихода Святого Станислава Кшиштофа Пожарского присуждён Йозефу Кратохвилу (Чехия-Польша). Награда — сольный концерт в храме Святого Станислава в рамках IV Международного Рождественского органного фестиваля *Adeste Fideles* в сезоне 2017–2018 гг.

Решением международного профессионального жюри конкурса определены победители: лауреат I степени — Мансур Юсупов, лауреат II степени — Эльнора Гросс, лауреат II степени — Йозеф Кратохвил, лауреат III степени — Ольгерд Высоцкий, лауреат III степени — Александра Кульбицкая, дипломант — Эвелина Бахул.

Конкурс организован римско-католическим приходом Святого Станислава при участии Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н.А. Римского-Корсакова и уже хорошо известен в культурной среде Петербурга и за рубежом. Главной целью конкурса является содействие развитию органного искусства, распространение польской органной музыки, поддержка молодых талантливых исполнителей и развитие международных культурных связей.

Szykowna dama w kokieteryjnym kapeluszu to niewątpliwie Klaudia Szulzenko. Nie od zawsze wyglądała na tę pocziwą babcię, której występy dzieciakiem często oglądałem w telewizji.

OSTATNIE TANGO

Klaudia Szulzenko

PAMIĘTAM w jej wykonaniu piosenkę „Błękitna chusteczka”, zwłaszcza ekspresję, z którą Szulzenko dosłownie wykrzykiwała na sali koncertowej końcowe strofy:

*Строчит пулемётчик
За синий платочек,
Что был на плечах дорогах!*

*...Strzela kaemista
Za chustę błękitną,
Co zdobiła ramiona jej!*

Zresztą tekst znanej piosenki „Błękitna chusteczka” ma swoją zawiłą historię. Pierwotnie nie zawierał nawet śladu żadnego kaemisty, ani nawet wojny żadnej w nim jeszcze nie było:

*«И вновь, как цветочек,
синеет платочек,
милый, желанный, родной!..»*

*«...Lecz znów jak kwiatusek,
migota chusteczka –
miła, najdroższa, kochana!..»*

Wątek wojny zabrzmiał w tej piosence żywiołowo i niezwłocznie w toku jej pierwszych dni:

*Двадцать второго июня,
Ровно в четыре часа
Киев бомбили, нам объявили,
Что началась война*

*W dwudziestym drugim dniu czerwca,
Dokładnie o czwartej rano,
Kijów burzono, nam obwieszczono,
Że rozpoczęła się wojna...*

Dopiero później, już w trakcie wojny powstał ten znany nam wszystkim tekst. Historia nieprosta, owszem... Słowa zmieniano wielokrotnie, lecz melodia wciąż pozostawała niezmieniona.

W razie, gdyby kompozytor Jerzy Petersburski pozostawił po sobie wyłącznie tę jedyną melodię, to i wtedy zostałyby na zawsze wciągnięty na listę klasyków naszej piosenki.

Lecz „Błękitna chusteczka” nie była wyjątkiem, przecież znana nam wszystkim jest jeszcze jedna melodia Petersburskiego, którą uważamy za prawdziwy symbol lat przedwojennych.

Jeżeli zapytać byle kogo, na chybił trafił, jakie piosenki estradowe kojarzą mu się z końcem lat trzydziestych, w odpowiedzi na pewno padnie – tango „Zmęczone słońce”. Autorem melodii tego krajowego przeboju jest także Jerzy Petersburski. Melodii, lecz nie samej tej piosenki!..

Jerzy Petersburski należał do grona utalentowanych muzyków żydowskich tworzących na styku kultury zachodniej a rosyjskiej. Urodził się on w Warszawie w rodzinie Jakuba i Pauliny (z domu Melodysta) Petersburskich. Od małego dziecka grał na fortepianie i już w wieku chłopięcym zadebiutował w charakterze pianisty. Wykształcenie muzyczne zdobył w Konserwatorium Warszawskim. Staże odbył w Wiedniu. Właśnie tam jego zdolności muzyczne zostały ocenione przez Imrego Kalmana, który sugerował Petersburskiemu tworzenie muzyki estradowej. Nawiasem mówiąc w Wiedniu przez pewien czas Jerzy Petersburski współpracował z Aleksandrem Wiertniskim.

W latach 1920–1930-ch w niepodległej Polsce nazwisko

Petersburskiego było dobrze znane z licznych przebojów estradowych, z muzyki do filmów i przedstawień, z operetek i koncertów w składzie orkiestry Golda, której był współorganizatorem.

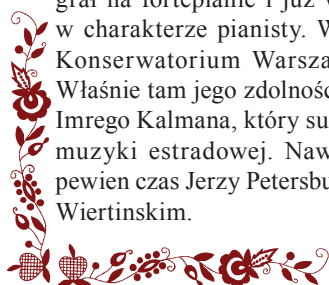
W roku 1936 cała polska estrada uległa czarowi tanga „To ostatnia niedziela”. Melodia Jerzego Petersburskiego z tekstem Zenona Friedwalda w oka mgnieniu stała się największym przebojem.

Studia nagrań nie nadążały z zaspokojeniem popytu. Coraz to nowe nakłady płyt gramofonowych z nagraniami tego tanga w rozmaitych stylach oraz w wykonaniu różnych orkiestr i śpiewaków znikły jak kamfora!

Pierwszym i zdaje się najlepszym wykonawcą piosenki „To ostatnia Niedziela” był Mieczysław Fogg – gwiazdor polskiej estrady z tamtych lat. Tango w zasadzie jest czymś w gatunku nawiewającego raczej smutek, lecz w tym wypadku, musimy przyznać, że sprawia ono wrażenie raczej przygnębienia. Jest to rozdzierająca duszę i jednocześnie zachwycająca melodia Jerzego Petersburskiego i niezwykle pasujące do niej wykonanie piosenki przez Mieczysława Foggę.

Mieczysław Fogg

TO OSTATNIA NIEDZIELA

*Teraz nie pora szukać wymówek:
 Fakt, że skończyło się.
 Dziś przyszedł inny, bogatszy
 I lepszy ode mnie,
 I wraz z Tobą skradł szczęście me!*
*Jedną mam prośbę, może ostatnią,
 Pierwszą od wielu lat:
 Daj mi tę jedną niedzielę,
 Ostatnią niedzielę,
 A potem niech wali się świat!..*
*To ostania niedziela.
 Dzisiaj się rozstaniemy,
 Dzisiaj się rozejdziemy
 Na wieczny czas.*
*To ostatnia niedziela,
 Więc nie żałuj jej dla mnie,
 Spójrzysz czule dziś na mnie
 Ostatni raz.*
*Będziesz jeszcze dość tych niedziel miała,
 A co ze mną będzie, któż to wie...
 To ostatnia niedziela...
 Moje sny wymarzone...
 Szczęście tak upragnione –
 Skończyło się...*
*Pytasz, co zrobię i dokąd pójdę?..
 Dokąd mam iść, ja wiem...
 Dziś dla mnie jedno jest wyjście,
 Ja nie znam innego.
 Tym wyjściem jest... no, mniejsza z tem...
 Jedno jest ważne, masz być szczęśliwa.
 O mnie już nie troszcz się...
 Lecz zanim wszystko się skończy
 I los nas rozłączy
 Tę jedną niedzielę daj mnie!*
*To ostania niedziela,
 Dzisiaj się rozejdziemy,
 Dzisiaj się rozstaniemy
 Na wieczny czas.*
*Będziesz jeszcze dość tych niedziel miała,
 A co ze mną będzie, któż to wie...
 To ostatnia niedziela...
 Moje sny wymarzone...
 Szczęście tak upragnione –
 Skończyło się...*

ЭТО ПОСЛЕДНЕЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

*Нынче не стоит искать оправданий:
 Факт – всё закончилось.
 Вот появился имуций
 И лучший из лучших,
 И вдруг меня счастья лишил!*
*Выслушай просьбу, может благую,
 Впервые за много лет:
 Отдай мне мгновенье,
 Одно воскресенье,
 а после пусть рухнет свет!..*
*Это день наш последний.
 Расстаёмся навечно,
 Разлучимся сегодня
 И навсегда.*
*Это день наш последний,
 Значит, без сожалений
 На меня кинь взор нежный
 В последний раз.*
*У тебя без счёта воскресений,
 А моя судьба на волоске...
 День воскресный последний...
 Мои пылкие грёзы...
 Драгоценное счастье –
 Закончилось...*
*Спросишь, что будет, что стану делать?..
 Знаю, к чему стремлюсь...
 Есть тут единственный выход,
 Иного не вижу,
 Счёты бы лишь свести, прости...
 Только бы ты осталась счастливой.
 Из мыслей выкинь меня...
 Прежде, чем всё оборвётся
 И рок разведёт нас,
 День этот воскресный дай мне!*
*Это день наш последний,
 Расстаёмся сегодня,
 Разлучимся мы нынче
 И навсегда.*
*У тебя без счёта воскресений,
 А моя судьба на волоске...
 День воскресный последний...
 Мои пылкие грёзы...
 Драгоценное счастье –
 Закончилось...*

Taki jest tekst oraz odpowiedni po nim nastrój. W Polsce tango „To ostatnia niedziela” zdobyło sobie miano „Tanga samobójców” – niechybnie nie bez powodów.

Melodia tanga „To ostatnia niedziela” już po roku przekroczyła granicę polsko-sowiecką i błyskawicznie stała się w ZSRS przebojem. Melodia, lecz nie tekst! Pojawienie się na estradzie sowieckiej polskiego „Tanga samobójców” było absolutnie wykluczone. Sądził Komitet Repertuarowy, czyli tzw. Repertkom nigdy by się nie zdecydował na przemycenie tak mocnej bomby o charakterze dekadentckim, zwłaszcza z oryginalnym polskim tekstem!

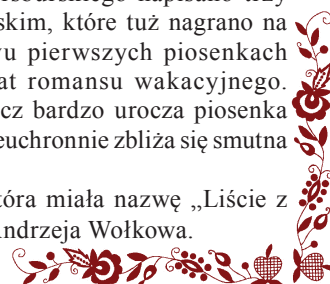
Poeci piosenkarze podjęli się niełatwego zadania – do pięknej, niczyjej melodii tanga mieli dopasować SWÓJ WŁASNY tekst, który nie mógł być tłumaczeniem polskiego oryginału. Chociaż chodziło o tango, gdzie smutek jest

nieunikniony, o tyle smutna melodia potrzebowała nie łada smutku również w tekście. Czy na miarę byłby smutek rozstania po romansie wakacyjnym?.. Przecież byłby to smutek jak najbardziej prawdziwy!.. W repertkomach też ludzie pracują i sytuacja nie byłaby dla nich aż taka nie z tej ziemi.

Już wkrótce do melodii Petersburskiego napisano trzy warianty tekstów w języku rosyjskim, które tuż nagrano na płytach gramofonowych. W dwu pierwszych piosenkach wykorzystano właśnie ten temat romansu wakacyjnego. Natomiast trzecia – króciutka, lecz bardzo urocza piosenka przypomina, iż lato już minęło i nieuchronnie zbliża się smutna pora zimowa.

Zacznijmy od tej ostatniej, która miała nazwę „Liście z klonu spadają”. Tekst autorstwa Andrzeja Wołkowa.

Ciąg dalszy na str. 6

OSTATNIE TANGO

Początek na str. 4

ZNANA była w wykonaniu kwartetu jazzowego Aleksandra Riazanowa założonego w 1938 roku. Skład zespołu stanowili aktorzy Moskiewskiego Akademickiego

Teatru Artystycznego (MChAT): Aleksander Akimow, Piotr Nieczajew, Mikołaj Siemiernicki oraz Mikołaj Sowiński. Przy fortepianie – Aleksander Riazanow.

ЛИСТЬЯ ПАДАЮТ С КЛЁНА

*Листья падают с клёна,
Значит, кончилось лето,
И придёт вместе с снегом
Опять зима.
Дверь балкона забита,
Поле снегом покрыто,
И под сумрачным небом
Стоят дома.
В тихом доме светится окошко,
За окном не спит сейчас она.
Листья падают с клёна,
Значит, кончилось лето,
И придёт вместе с снегом
Опять зима.*

LIŚCIE Z KLONU SPADAJĄ

*Liście z klonu spadają,
Więc skończyło się lato,
Przyjdzie razem ze śniegiem
Zimowy mróz.
Drzwi balkonu zabite,
Pole śniegiem okryte,
I pod niebem ponurym
Budynki śpią.
W cichym domu świeci się okienko,
Za okienkiem teraz brak jej snu.
Liście z klonu spadają,
Więc skończyło się lato,
Przyjdzie razem ze śniegiem
Zimowy mróz.*

Tekst „Liście z klonu spadają” brzmi niezwykle nastrojowo. Nie ma w nim żadnego załamania psychicznego. Smutek istnieje w charakterze całkowicie abstrakcyjnym, który jest szczególnie miły sercom osób uzależnionych od przejawów pogody. Słuchając tej piosenki każdy tęskni na własny sposób. Nawet

przypadkiem użyty zwrot „...teraz brak jej snu” nie zawiera w sobie nic konkretnego. Każdy ocenia sytuację według własnego rozumienia intencji poety. Kto nie śpi za okienkiem, gdzie nie gaśnie światło i dlaczego nie śpi? Tego mamy się tylko domyślać. Może z wielkiej miłości a może służbowo na dyżurze.

Przytoczony wyżej tekst jest o połowę krótszy od oryginału i zastępuje wyłącznie refren. Natomiast melodia Petersburskiego brzmi w całości.

Kolejny tekst to „Piosenka o Południu”, który dokładnie odtwarza strukturę tanga „To ostatnia niedziela”. Jego autorka, poetka z Leningradu Asta Gałła używa konkretów: poznaliśmy się na wczasach na Południu, nad Morzem Czarnym, dokładnie – na Krymie, zaś ściśle – w Mischorze... Tym nie mniej nie ma wskazówek, czy tekst jest głoszony w imieniu mężczyzny, czy kobiety. Możemy sugerować, że to jest „wiersz kobiecy”, zwłaszcza, że pisany był właśnie przez kobietę – poetkę Astę Gałłę. Istotnym argumentem takiego poglądu jest również to, że śpiewała tę piosenkę Klaudia Szulżenko, czyli ta sama „dama w kapeluszu”.

Mischor

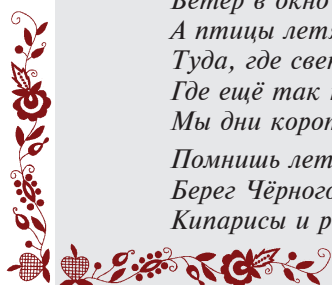
ПЕСНЯ О ЮГЕ

*Осень пришла, как мало у ней
Прозрачных и тёплых дней.
В саду замёрзли цветы,
Солнце светит всё реже,
И реже шлешь письма мне ты.
Ветер в окно звучит так зло,
А птицы летят на юг.
Туда, где свет и тепло,
Где ещё так недавно
Мы дни коротали, мой друг.
Помнишь лето на юге,
Берег Чёрного моря,
Кипарисы и розы*

В огне зари.

PIOSENKA O POŁUDNIU

*Jesień nadeszła, nie ma co szukać
Pogodnych i ciepłych dni.
Kwiaty marzną w ogrodzie,
Słońce jest coraz rzadsze,
Rzadko kiedy ślesz listy mi.
Puka do okna wiatr chłodny,
Zaś ptaki migrują już.
Tam, gdzie więcej jest ciepła,
Gdzie dopiero co razem
Skracaliśmy sobie czas.
Wspomnij lato na Krymie,
Brzegi Morza Czarnego,
Pąki róż i cyprysy
W płomieniach zórz.*

*Нашу первую встречу
Там, в горячем Мисхоре,
Где плеск ласковый моря
Как песнь любви.*

*Каждый день в горах вдвоём бродили,
Каждый вечер слушали прибой...
Помнишь лето на юге,
Берег Чёрного моря,
Где так счастливы были
Тогда с тобой.*

*Но у любви и осенью злой
Так много весенних дней.
Любовь свой след золотой
Оставит повсюду,
И в комнате станет светлей.*

*Письма твои беру я опять,
Читаю их между строк.
И снова буду мечтать,
Снова розами Крыма
Повеет бумажный листок.*

*Каждый день был ласковым, цветущим,
Каждый вечер — пряным и зовущим.
Помнишь лето на юге,
Берег Чёрного моря,
Кипарисы и розы
В огне зари.*

*Nasze pierwsze spotkanie
Tam w upalnym Mischorze
O brzeg pluskały fale
Jak miłości pieśń.*

*Co dzień wędrowaliśmy po górach,
Wieczorami szumiał przybój nam...
Wspomnij lato na Krymie,
Brzegi Morza Czarnego,
Gdzie byliśmy szczęśliwi
Przez cały czas.*

*Miłość nawet w jesieni złej
Ma sporo wiosennych dni.
Ślady miłości złote
Otaczają mnie wokół,
Pokój nawet rozjaśnił się.*

*Do twoich listów wracam ponownie,
Znajduję w nich skryty sens.
Będę znów marzyć,
Znów wonią róż Krymu
Zawionie od karteczki twej.*

*Każdy dzień był cudny i pogodny,
Wieczór zaś pikantny i zalotny.
Wspomnij lato na Krymie,
Brzegi Morza Czarnego,
Pąki róż i cyprysy
W płomieniach zórz.*

Jeśli chodzi o poetkę Astę Gałę, która wymieniana jest jako autorka tego tekstu, wiadomo mi nie za wiele. Tak naprawdę nazywała się Anna Jermołajewa (Анна Дмитриевна Ермолаева, 1899–1981). Była również dramaturgą i felietonistką.

Urodzona w Gatchynie pod Sankt Petersburgiem. Ukończyła gimnazjum w Piotrogradzie. Później pracowała w szeregu urzędach. Od roku 1926 występowała już jako autorka rozmaitych utworów estradowych (skecz, parodia, piosenki, felietony). Płyty z nagraniem „Piosenki o południu” ukazywały się w Leningradzie w stosunkowo niewielkich nakładach, więc nie zdobyła ona większej popularności w latach przedwojennych.

Teksty obu konkurencyjnych wariantów tanga Petersburskiego były skrócone do długości refrenów. Niesamowitą popularnością z powodu ogromnych nakładów

Jerzy Petersburski

której muzyka nabrała walorów absolutnie tanecznych. Melodia oryginalna jest raczej delikatna, a nawet liryczna, natomiast aranżacja Cfasmana wyróżnia się specjalnie akcentowanym, można nawet powiedzieć, że zaczepnym tępym rytmem. Króciutki a dość bezsensowny, lecz o miłym brzmieniu wierszyk Alweki doskonale pasuje i nie odwraca zbyt uwagi tańczących par. Niechybnie tango „Zmęczone słońce” cieszące się ogromną popularnością przez prawie osiem dziesiątków lat, jest już integralną częścią naszej historii. Właśnie w wykonaniu orkiestry Aleksandra Cfasmana tango uważane jest za utwór klasyczny oraz symbol epoki. Akurat w tej postaci nazwa tanga „Zmęczone słońce” została użyta przez Nikitę Michałkowa w charakterze nazwy słynnego filmu.

Dokończenie na str. 8

Orkiestra jazzowa Aleksandra Cfasmana

OSTATNIE TANGO

Początek na str. 4

РАССТАВАННЕ

Утомлённое солнце
Нежно с морем прощалось,
В этот час ты призналась,
Что нет любви.

Мне немного взгрустнулось:
Без тоски, без печали
В этот час прозвучали
Слова твои.

Расстаёмся, я не стану злиться,
Виноваты в этом ты и я.
Утомлённое солнце
Нежно с морем прощалось,
В этот час ты призналась,
Что нет любви.

ROZSTANIE

Słońce wielce zmęczone
Morze czule żegnało,
W tym momencie stwierdziłaś
Miłości brak.

Nieco się zasmucilem:
Bez tęsknoty i żalu
Twoje słowa zabrzmiały
W momencie tym.

Rozstajemy się, nie będę nawet złościł,
Ponosimy winę ty i ja.
Słońce wielce zmęczone
Morze czule żegnało,
W tym momencie stwierdziłaś
Miłości brak.

WYBITNY kompozytor Jerzy Petersburski (Юрий Яковлевич Петербургский / Гарри Петербургский) miał długie a ciekawe życie. W 1939 roku na skutek wojny został obywatelem ZSRS, a nawet przez pewien czas zdążył pokierować Państwową Orkiestrą Jazzową Białorusi. Opuścił ZSRR razem z Armią Władysława Andersa. Po wojnie mieszkał w Brazylii, Argentynie oraz Wenezueli. Do ojczyzny powrócił w wieku siedemdziesięciu lat wdowcem, gdyż żona zginęła mu tragicznie w wyniku trzęsienia ziemi. Wkrótce ożenił się po raz drugi i miał syna, również Jerzego, który tak samo jest kompozytorem.

Pochowano Jerzego Petersburskiego na warszawskich Powązkach. Nagrobek jego jest ozdobiony napisem: „Jerzy Petersburski. Twórca światowego przeboju „Tango Milonga” / „Oh, Donna Clara...”

Tak właśnie! Piosenkę „Tango Milonga” na tekst Andrzeja Własta w 1929 roku zaśpiewała po raz pierwszy Stanisława Nowicka. Utwór ten z niemieckim tekstem Fritza Lohnera-Bedy pod zmienionym tytułem „Oh, Donna Clara” najpierw

zdobył popularność w Austrii a wkrótce stał się światowym przebojem. W roku 1954 „Oh, Donna Clara” zwyciężyła w konkursie dawnych melodii w Amsterdamie. W naszym kraju tanga „Oh, Donna Clara” Sergiusz Bondarczuk w filmie „Los człowieka” użył w charakterze symbolu negatywnego. W filmie ta melodia towarzyszy szenie prowadzenia do krematorium więźniów obozu koncentracyjnego. Podobno Jerzego Petersburskiego szlag omal nie trafił podczas oglądania tego filmu.

Dodam tylko, że Jerzy Petersburski do końca życia utrzymywał stosunki przyjacielskie z Klaudią Szulzenko, którą uważał za najlepszą wykonawczynię piosenki „Błękitna chusteczka”. W życiu prywatnym Jerzego Petersburskiego ta piosenka odegrała jak najbardziej poważną rolę! Dzięki niej poznał swoją przyszłą żonę Sylwię Klejdysz, wówczas śpiewaczkę operową, która na koncertach w Sopocie z wielkim sukcesem wykonywała tę piosenkę.

„To ostatnia niedziela” w Polsce oraz „Zmęczone słońce” u nas to dwie piosenki, lecz melodia ta sama. Tak się stało, że smutne tango niespodziewanie przemieniło się na symbol utraconego na zawsze „szczęścia okresu przedwojennego”.

Opracował: Kajetan JOTESKA
wg Walentyna ANTONOWA

Grób Jerzego Petersburskiego na Powązkach

Sprawą zesłańców postyczniowych do Kurganu (gubernia Tobolska) zainteresował się jeszcze w latach 1960-ch radziecki historyk Siemion Fedorowicz Kowal, ale głównie w aspekcie tzw. polsko-rosyjskiej współpracy rewolucyjnej. Otóż w Gosudarstwiennym Istorичесkim Archiwie Omskoj Oblasti znajdują się trzy tomy akt zatytułowane, jako tzw. „Dzielo Karpinskogo. Wyjaśnijmy zaraz, że Karpiński był horodniczym okręgu Kurgańskiego w latach 1864–1866 i zostało przeciwko niemu wszczęte śledztwo w 1866 roku, gdyż jakoby współpracował z polskimi zesłańcami, którzy z kolei mieli założyć tajną organizację rewolucyjną. Sprawa kurgańska wpisywała się więc w obowiązujący wtedy nurt badań nad współpracą rewolucjonistów polskich i rosyjskich.

Prof. dr hab. Wiesław CABAN

ZESŁAŃCY POSTYCZNIOWI W KURGANIE 1864–1867. SPRAWA „TOWARZYSTWA POMOCY WZAJEMNEJ”

W TRZECH tomach akt znajdują się listy polskich zesłańców lat 1864–1867. W dużej mierze nieocenzurowane, bo do ich przesyłania wykorzystano różne kontakty osobiste, głównie z rosyjskimi kupcami i urzędnikami. W wyniku wszczętego śledztwa listy zostały zarekwirowane przez policję i dla potrzeb tegoż śledztwa przetłumaczono je na język rosyjski. W sumie zachowało się nieco ponad 100 listów w języku polskim i tyleż ich odpowiedników w języku rosyjskim. Oprócz listów znajduje się tu część dokumentów śledczych, które powstały w wyniku przesłuchań polskich zesłańców, głównie Michała Żaby¹, szlachcica, lekarza pochodzącego z guberni Wileńskiej i horodniczego Kurganu Michała Karpińskiego².

Uczestnicy powstania styczniowego trafiali na zesłanie do Kurganu, poczynając od kwietnia 1864 roku. Na podstawie dotychczas przeprowadzonych lektur listów zesłańców można sądzić, że byli to głównie mieszkańcy guberni Wileńskiej i w ogóle z tzw. Ziemi Zabraných, ale zdarzali się też z Królestwa Polskiego. W kwietniu 1864 roku było tu 17 Polaków, w sierpniu – 77, w końcu grudnia 1865 roku już 120, a w czerwcu 1866 roku aż 160 osób. Powiadamy, że aż 160 polskich „miateżników”, bo sam Kurgan w tym czasie liczył około 3,6 tys. mieszkańców. Polacy stanowili tu zatem 4% społeczności tego miasteczka. Czy to dużo, czy to mało? Wydaje się, że to jednak duża grupa i dla władz miasta i tamtejszej społeczności

musiała stanowić spory problem, bo miasto było biedne i nie było w stanie w żaden sposób zapewnić zasadniczej grupie zatrudnienia na posadach rządowych, czy u prywatnych przedsiębiorców.

Warto nadmienić, że polscy zesłańcy znaleźli się w Kurganie już na początku lat 1830-ch. Chodzi o osoby, które z jednej strony wiązały się z ruchem spiskowym, a z drugiej byli to żołnierze powstania listopadowego wzięci do rosyjskiej niewoli. Zdaniem historyka-krajoznawcy Jekateriny Władimirowny Tierszukowej, liczba Polaków była na tyle duża, że można mówić o polskiej diaspory. Polacy mieli tu spędzać pobyt według zasad ustalonych przez siebie. Pielęgnowali rodzime tradycje. Mieli możliwości, choć nieregularnie, spełniania posług religijnych. Często na ulicach Kurganu słyszało się polskie pieśni. Uroczyście obchodzono rocznicę ustanowienia Konstytucji 3 Maja. Utrzymywano ścisłe kontakty z zesłanymi tu dekabrystami.

Wróćmy do zarekwirowanych przez policję listów, bo stanowią one ciekawe

źródło do dziejów polskiej diaspory w Kurganie. Przede wszystkim na ich podstawie można ustalić bolączki zesłańców. Pierwszą, najważniejszą rzeczą było nawiązanie kontaktu z rodziną. To możliwe było w zasadzie tylko przy wykorzystaniu poczty. Listy nie dochodziły regularnie, a brak wiadomości od rodziny doprowadzał niejednego zesłańcę do załamania psychicznego. Zresztą do podobnych sytuacji dochodziło i po drugiej stronie, czyli rodziców i krewnych.

Wspominany już wcześniej Michał Żaba po przybyciu w kwietniu 1864 roku do Kurganu postanowił pisać list do rodziców co 2-3 tygodnie, licząc że w takim też tempie będą też przychodzić odpowiedzi. Mylił się bardzo. Wreszcie w czerwcu tegoż roku napisał do rodziców: *Jutro trzeci miesiąc mego pobytu w Kurganie upływa, a dotychczas nie otrzymałem od Was ani litery, powodem tego musi być niewiedza może Wasza o miejscu mego pobytu i powtórę iż może być listy moje pisane z Kurhanu nie doszły do Was.*

Ciąg dalszy na str. 10

¹ Michał Żaba urodzony w 1842 roku w rodzinie szlacheckiej w powiecie Dziśnieńskim (gubernia Wileńska). Jego ojciec Józef, właściciel dóbr ziemskich Sza w tymże powiecie posiadał zbiór książek pochodzących od XVII w. do połowy 1863 roku. Po ukończeniu Instytutu Szlacheckiego w Wilnie wstąpił w 1857 roku na Wydział Lekarski Uniwersytetu Moskiewskiego. Stopień lekarza otrzymał w 1862 roku. Brał udział w powstaniu styczniowym. Decyzją sądu został pozbawiony praw stanu i zesłany na zamieszkanie do Kurganu, dokąd przybył w 1864 roku. Zajmował tu posadę ekonoma w więziennym lazarecie. Tu zaangażował się w działania na rzecz utrzymania właściwych relacji między Polakami zesłanymi do Kurganu. Szczególną troskę wykazał o tych zesłańców, którzy byli pozbawieni jakichkolwiek środków do życia. Rozpoczęło się śledztwo, a Żaba został uznany za jednego z głównych winowajców zorganizowania Towarzystwa Wzajemnej Pomocy.

² Michał Awenirowicz Karpiński. Po ukończeniu szkoły powiatowej wstąpił na służbę rządową w 1840 roku. Od 1861 roku pracował w kurańskim sądzie ziemskim. Od października 1864 był horodniczym Kurganu. W związku z prowadzonym śledztwem w sprawie spisku Polaków, którym Karpiński niewątpliwie sprzyjał został przeniesiony na horodniczego do Tiumenia. Następnie pracował na posadach rządowych w Omsku. Zmarł w 1895 roku.

Początek na str. 9

PIERWSZY list Żaba otrzymał od rodziców dopiero w połowie lipca 1864 roku i doprowadził go do ogromnych wzruszeń³. Następne też przychodziły z ogromnym opóźnieniem. A w ogóle w ciągu dwuletniego pobytu M. Żaby w Kurganie otrzymał on od rodziców zaledwie kilka listów.

Sprawa druga, która rzuca się w oczy w trakcie lektury listów to nieustanne poszukiwania krewnych i znajomych rozesłanych przez Murawjowa po całej Syberii. Skutki tych poszukiwań dawały skromne efekty, a było to bardzo ważne, bo po ustaleniu adresu można było nawiązać jaką taką korespondencję. Dzielenie się swoimi troskami z krewnymi i bliskimi, z którymi chodziło się do szkoły, czy uczęszczało na studia, umacniało zesłańca na duchu.

Ale jest kolejny aspekt lektury listów, zwłaszcza tych pisanych przez krewnych, którzy pozostali na Litwie. Otóż pozwalają one lepiej zrozumieć, czym były represje Murawjowa wobec polskiej szlachty na Litwie, zwłaszcza mniej zamożnej.

Urzędowe raporty o konfiskatach polskich majątków mają swoją wymowę, ale gdy czyta się korespondencję przykładowo między Edwardem Radwańskim⁴, a jego żoną Anielą, że dla uszycia koszul i innego odzienia sprzedała krowę, a on tych rzeczy nie otrzymał i mąż zwyczajnie podejrzewał żonę o fałszywe zachowanie, to wtedy lepiej rozumie tragiczną sytuację szlacheckiego polskiego zaścianka na Litwie, który tak mocno ucierpiał po powstaniu. Z kolei Józef Żaba, ojciec Michała, nie mający żadnych środków na uszycie zimowego palta i przesłanie go synowi, by chronić go przed syberyjskim zimnem, postanowił wysłać swoje stare palto.

Z listów, co jest oczywiste, dowiadujemy się o sytuacji materialnej

zesłańców, relacjach między nimi i stosunkach z mieszkańcami Kurganu.

Z zasadniczej części listów pisanych przez rodziców i krewnych z Litwy do swych bliskich zesłanych do Kurganu wynika wyraźnie, że poziom wykształcenia sporej części szlachty na Wileńszczyźnie był niski. W wielu z tych listów trudno doszukać się składni, nie mówiąc już o poprawnej pisowni⁵.

Czas, by nieco miejsca poświęcić sprawie „Towarzystwa Pomocy

pobytu w Kurganie ogromne trudności z utrzymaniem się. Władze, co prawda zapewniały wypłatę zapomóg na zakup żywności tzw. „kormowye dieńgi”, ale z tym były duże problemy, bo urzędnicy zwyczajnie nie mieli pojęcia, jak do tego się zabrać, a kiedy już zorientowali się, że wypłata „kormowych dieńgi” jest ich obowiązkiem, to nie zawsze postępowali według obowiązujących przepisów. I nie wynikało to z ich złej woli, ale zwyczajnie z nieuctwa i pijaństwa. W takiej sytuacji

ZESŁAŃCY POSTYCZNIOWI SPRAWA „TOWARZYSTWA

Wzajemnej”. Wspominano, że w Kurganie znalazło się w pewnym momencie około 160 osób. Jedną wspólną cechą, jaką miała ta zbiorowość to fakt, że byli to wszyscy młodzi, dwudziestoparoletni ludzie. Poza tym trzeba mówić o dużym zróżnicowaniu, zarówno, jeżeli chodzi o pochodzenie społeczne, jak i wykształcenie. Grupa, jak to powiadano w XIX wieku, „ukształconych” była nieliczna. Nadto trzeba pamiętać, że nie każdy „leśny” patriota był zwyczajnie porządnym człowiekiem. W oddziałach powstańczych znalazło się wiele osób, jak to powiadano „lichego charakteru” i kiedy znaleźli się oni na zesłaniu dość często dopuszczali się kryminalnych przestępstw, działając na swoją rękę lub we współpracy z rosyjskimi kryminalistami. Do tego wszystkiego trzeba dodać trudną sytuację materialną. Osoby, które nie zostały zaopatrzone przez rodzinę w odpowiednie kwoty pieniężne na drogę miały w pierwszym okresie

wśród „ukształconych” zesłańców pojawił się pomysł założenia wspólnej kasy, by w ten sposób obdzielić wszystkich takimi środkami finansowymi, które umożliwiłyby przeżycie najtrudniejszego okresu. Inicjatorami „związku przeciw głodowi i chładowi” był Michał Żaba.

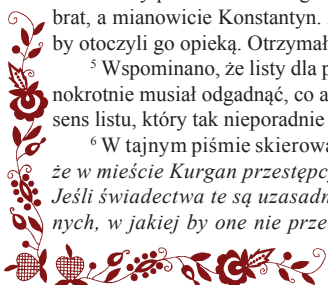
O tym, że w Kurganie polscy zesłańcy stanowią w jakiś sposób zorganizowaną grupę dowiedział się w wyniku donosu w kwietniu 1865 roku gubernator tobolski, Polak z pochodzenia, Aleksandr Iwanowicz Despot-Zenowicz i zwrócił uwagę horodniczemu kurgańskiemu, że jest to niedopuszczalne⁶. Horodniczy zamiast przestrąszyć się gubernatora, to pochwalił się przed nim swymi metodami postępowania wobec zesłańców, gdyż uznał to za swój sukces. Horodniczy Karpiński nie widział nic zdrożnego, że wśród zesłańców powstało stowarzyszenie, które ceni sobie swój narodowy charakter i spokój publiczny. Zenowicz był

³ Pisał on: *List Wasz od 7 Marca otrzymałem ledwo 16 Lipca, napelnił on mnie i radością i smutkiem, dowiedziałem się z niego, choć tyle przynajmniej, żeście żywi, dzięki Bogu i za to, czytając Wasze wyrazy jeszcze głębiej uczulem to oddalenie od Was i strony rodzinnej, kiedy często przenoszę się wyobraźnią i odnawiam w pamięci owe błogie chwile niegdyś tam spędzane, kiedy nastąpi ta chwila, gdy marzenie moje ujrzę urzeczywistnione. Bogu to tylko wiedzieć, dla mnie teraz dosyć jest tej pociechy, że mam pewność żeście żywi, i że wiecie gdzie się obraca Wasz syn, przynajmniej nadal mamy zapewnioną choć listowną rozmowę.*

⁴ Edward Radwański urodzony w 1830 roku, szlachcic z powiatu Trockiego (gubernia Wileńska), za udział w powstaniu został pozbawiony praw stanu i zesłany na osiedlenie do Kurganu. Prawdopodobnie Edward w wyniku jednej z amnestii wyniósł się z Kurganu. Pozostał tutaj jego brat Jan, z którym Edward nie utrzymywał zbyt bliskich kontaktów. Jan ożenił się z Rosjanką, a dzieci z tego małżeństwa zachowały wiarę katolicką i znały język polski. Radwańscy prowadzili duże gospodarstwo, w którym zatrudniali kilkoro osób, prawdopodobnie polskich zesłańców. Na Syberii znalazł się jeszcze trzeci brat, a mianowicie Konstantyn. Został na zesłaniu na katorgę do Nercyńska. Po odbyciu kary, schorowany chciał zamieszkać w Kurganie przy braciach, by otoczyli go opieką. Otrzymał pozwolenie i zatrudnił się przy składzie win.

⁵ Wspominano, że listy dla potrzeb śledztwa były przetłumaczone na język rosyjski. Trzeba wyrazić słowa uznania wobec tłumacza, bo on sam niejednokrotnie musiał odgadnąć, co autor miał na myśli, a dopiero później tłumaczył tę myśl na język rosyjski. Nie zawsze tłumaczowi udało się w pełni oddać sens listu, który tak nieporadnie został napisany.

⁶ W tajnym piśmie skierowanym przez Zenowicza do horodniczego Karpińskiego z 8 kwietnia 1865 roku czytamy: *Dotarło do mojej wiadomości, że w mieście Kurgan przestępcy polityczni mieli zebranie w celu omówienia postępków jednego z zesłańców, należących do grupy tych przestępców. Jeśli świadectwa te są uzasadnione, to ja uważam za konieczne znowu surowo potwierdzić Wielmożnemu Panu, że zebrania przestępców politycznych, w jakiej by one nie przebiegały formie oraz jakim celem się nie tłumaczyły, są niedopuszczalne i że w przypadkach złamania tego, wobec winnych będą podjęte surowsze środki. Zebranie to odbyło się w związku z dokonaniem przestępstwa kryminalnego przez jednego z zesłańców.*

Prof. dr hab. Wiesław CABAN

W KURGANIE 1864–1867. POMOCY WZAJEMNEJ⁷

wyraźnie poirytowany, że Karpiński popiera oddzielne polskie, narodowe stowarzyszenie, a zarazem odmawia narodowego honoru Rosjanom z Kurganu.

Zagroził więc Karpińskiemu zastosowaniem surowszej kary, ale zdaje się, że żadnych konsekwencji wobec niego nie wyciągnął. Do końca grudnia 1865 roku Karpiński pozostawał na stanowisku horodniczego, mimo tego, że do Zenowicza napływały donosy na jego postępowanie wobec Polaków. Między innymi był donos, że Karpiński w służbach policyjnych i pożarniczych zatrudnia Polaków za odpowiednim wynagrodzeniem. Fakty te później się potwierdziły, ale o tym za moment.

Ostatecznie w 1867 roku Karpiński został przeniesiony z Kurganu do Tiumenia. W tymże samym roku przestał być gubernatorem tobolskim Despot-Zenowicz. Czy to był zbieg okoliczności, czy też skutek tego, że gubernator tobolski nie zareagował zdecydowanie na postępowanie Karpińskiego? Na tak postawione pytanie trudno odpowiedzieć jednoznacznie. Wiadomo, że na przyzwolenie przez Karpińskiego na działalność organizacji, która jak później ustalono, przekształciła się w Towarzystwo Pomocy Wzajemnej

został skierowany donos do Aleksandra Pietrowicza Chruszczowa, generał-gubernatora Syberii Zachodniej w latach 1866–1875⁷. Skądinąd wiadomo też, że na Despot-Zenowicza wpływał do Petersburga, jak to określił Zbigniew Wójcik, potok donosów z różnych kręgów wojskowo-administracyjnych, zwłaszcza spośród osób zwolnionych przez niego z odpowiednich stanowisk. Być może, że wszystko razem złożyło się na to, że odwołano i Zenowicza i Karpińskiego, a duży mógł być w tym udział generał-gubernatora Chruszczowa.

Co zatem ustalono w śledztwie przeprowadzonym w 1867 roku z polecenia generał-gubernatora Zachodniej Syberii? Sprawa pierwsza i najważniejsza, to okazało się, że „związek przeciw głodowi i chładowi” przekształcił się w *Towarzystwo Pomocy Wzajemnej*, które posiadało swój regulamin. Przesłuchiwany na tę okoliczność Żaba twierdził, że spisanego regulaminu nie było, że obowiązywały tylko ustne ustalenia, które się same ułożyły. Nie sądzimy, by władze zadowolili się tymi zapewnieniami, zwłaszcza, że z innej korespondencji kierowanej do Żaby jasno wynika, że był proszony o przesłanie regulaminu Towarzystwa

Pomocy Wzajemnej do Iszymia, bo tam chciano założyć podobną organizację⁸.

Regulamin zakładał m. in. że Polacy mają przede wszystkim nie pić alkoholu, nie grać w karty i nie oddawać się innym grom hazardowym, nie nawiązywać kontaktów z rozwiązłymi kobietami i nie zawierać małżeństw z prawosławnymi. Była też mowa o wzajemnej pomocy materialnej. Zarząd organizacji rezerwował sobie prawo rozstrzygania wszelkich sporów, do jakich ewentualnie by dochodziło między zesłańcami

Regulamin mieli podpisać wszyscy zesłańcy. Nie wszyscy wyrażali na to zgodę i niektórych należało do podpisu przymusić, a kilka osób, które zaczęły się awanturować musiało opuścić Kurgan przy aprobacie horodniczego Karpińskiego. Jednych wysłano do Berezowa, a drugich do Obdorska.

O funkcjonowaniu Towarzystwa Wzajemnej Pomocy w pełni był zorientowany horodniczy Karpiński, bo uważał on, że polscy zesłańcy skupieni w organizacji będą przestrzegać przyjętego regulaminu i tym samym nie będzie dochodzić do jakichkolwiek konfliktów, czy sporów między Polakami a mieszkańcami Kurganu. W swoich zeznaniach Karpiński przyznał się, że pomógł wydalić z miasta tych Polaków, którzy dopuszczali się przestępstw kryminalnych. Przyznał się, że zatrudniał Polaków w policji⁹ i służbach pożarniczych za wynagrodzeniem. Nie widział zresztą w tym nic zdrożnego, bo miejscowi policjanci, czy strażacy, byli kompletnymi pijanicami, a na nim, jako horodniczym spadała odpowiedzialność za utrzymanie spokoju w mieście, w którym przed objęciem przez niego stanowiska, dochodziło do różnego rodzaju incydentów, w tym podpalień.

W regulaminie, jak wspomniano zapisano, że Polacy nie będą nawiązywać kontaktów z kobietami rozwiązłymi i nie będą zawierać małżeństw z prawosławnymi. Temu zapisowi nie podporządkował się tylko jeden zesłaniec, a mianowicie Albert Pliskowski. Niestety, na tym etapie badań za wiele powiedzieć nie możemy.

Dokończenie na str. 12-13

⁷ Generał A. P. Chruszczow (1806–1875), w czasie powstania styczniowego tłumił działania polskie w Lubelskiem. Od połowy 1864 roku był pomocnikiem Michaiła Nikołajewicza Murawjowa, grodzieńskiego, mińskiego i wileńskiego generał-gubernatora (1863–1865)

⁸ Z dużym prawdopodobieństwem można założyć, że ów regulamin został wysłany również do Jałutorowska, Omska, Szadryńska i Tobolska. Czy takie towarzystwa tam powstały, to już trudna odpowiedź

⁹ Sprawa zatrudnienia Polaków w policji wymaga pewnego wyjaśnienia. Otóż Karpiński nie zrobił tego na swoją rękę. Na ich zatrudnienie otrzymał pozwolenie od samego gubernatora. Ten takowe wydał, gdyż w momencie pojawienia się pierwszych zesłańców postyczniowych na Syberii władze nie wprowadziły takiego zakazu. Władze miały świadomość słabości służb policyjnych i zezwoliły zatrudniać naczelnikom miast i gmin tzw. zaufanych Polaków w służbach policyjnych, głównie na posadach pisarzy. Po jakimś czasie wyszło rozporządzenie zabraniające zatrudniania Polaków w policji na stanowiskach pisarzy. Wtedy Karpiński na polecenie Zenowicza zwolnił Polaków z tych posad. Dalej jednakże zatrudniał dwóch Polaków w służbie więziennej, bo w tej sprawie nie było zakazu.

Początek na str. 9

WIADOMO, że podjął on decyzję o wzięciu za żonę pokojówki pani Farafontowej, żony asesora kolegialnego. *Nota bene* pani ta przy poparciu niektórych urzędników rozpoczęła akcję na rzecz zawierania małżeństw przez polskich zesłańców z rosyjskimi pokojówkami. Pliskowski był jedynym chętnym. Przejście na prawosławie i żeniactwo z pokojówką odradzał Pliskowskiemu M. Żaba. Jego zdaniem Pliskowski był człowiekiem niewykształconym i nie wiedział, co robi zmieniając wyznanie. Nadto Żaba tłumaczył mu, że pokojówka pani Farafontowej nie prowadzi się zbyt dobrze. Co ciekawe tego małżeństwa Pliskowskiemu odradzał sam horodniczy. W śledztwie bardzo przekonująco tłumaczył się, że odradzał małżeństwa z Rosjanką, gdyż obawiał się podstępności Polaków. A polegać miała ona na tym, że Pliskowski mógłby przekonać żonę do przejścia na katolicyzm, a w dalszej perspektywie oboje wychowywaliby dzieci w wierze katolickiej. I dalej Karpiński wywodził, że gdyby do takiej sytuacji doszło to w mieście mogłyby pojawić się bunt przeciw niemu, dlatego, że w wyniku jego błędnej decyzji ucierpiałby Kościół prawosławny.

Wydaje się, że w tym przypadku pewien wpływ na takie stanowisko horodniczego mógł mieć Żaba. Był on w dobrach kontaktach z Karpińskim i obydwaj mogli dojść do wniosku, że mieszane małżeństwa są niekorzystne zarówno dla Polaków jak Rosjan. Ostatecznie jednak obydwaj nic nie uzyskali, bo Albert Pliskowski zdecydował się na przejście na prawosławie i przyjął imię Aleksandra. Jakie były jego dalsze losy trudno cokolwiek powiedzieć. Wiadomo natomiast, że grupa zesłańców w dniu ślubu doprowadziła do jakiegoś bliżej nieokreślonego zamieszania skierowanego przeciw nowożeńcom. Z kolei pani Farafontowa zaczęła oskarżać Karpińskiego, że ostentacyjnie popiera Polaków, bo w momencie ożenku Pliskowskiego z jej pokojówką wstrzymał on wypłacenie zapomogi na urządzenie gospodarstwa Polakowi, który ożenił się z Rosjanką. Karpiński bronił się, że tajna instrukcja od władz wyższych mu na to nie pozwalała. Trudno jednakże to zachowanie Karpińskiego właściwie

ZESŁAŃCY POSTYCZNIOWI SPRAWA „TOWARZYSTWA

ocenić. Nie można wykluczyć, że na takie zachowanie horodniczego miały wpływ złe relacje między nim a panią Farfontową i jej mężem, kolegialnym asesorem.

Innego przestępstwa, jakiego dopuściło się *Towarzystwo Wzajemnej Pomocy* to prowadzenie sklepu bez pozwolenia władz. Głównym inicjatorem tego przedsięwzięcia był znowu Żaba. W zeznaniu zaprzeczał on, że to, co robił można nazwać prowadzeniem sklepu. Otóż za zebrane od zesłańców pieniądze Żaba wraz pięcioma współnikami¹⁰ zakupywał najpotrzebniejsze towary po cenach hurtowych, a następnie sprzedawał je, nakładając pewną marżę. Zyski z marży pozwalały na rozszerzenie asortymentu w sklepie. Sklepik prowadzony był w pomieszczeniach bliżej nam nieznanego Jurganowa, mieszkańca Kurganu. O jego działalności Żaba oficjalnie nie informował horodniczego, bo uznał, że nie ma takiej konieczności, bo sklepik został założony tylko i wyłącznie dla potrzeb zesłańców.

Sklepik w pomieszczeniach u Jurganowa funkcjonował od grudnia 1864 roku do kwietnia 1865 roku, a później założono podobny w domu Kozłowa. Ten działał już na nieco innych zasadach, a Żaba nie był, jak sam twierdził, zaangażowany w jego prowadzenie.

Zarząd *Towarzystwa Wzajemnej Pomocy* rozstrzygał spory, do jakich dochodziło między zesłańcami. Według śledczych było to poważne przestępstwo,

bo zarząd wkraczał w kompetencje sędziowskie, które miały tylko władze Kurganu. O tych sprawach też wiedział horodniczy, ale uznał, że lepiej będzie, jeżeli władze Kurganu nie będą rozstrzygać wewnętrznych sporów między Polakami, bo to tylko doprowadzi do zaostrzenia sytuacji na linii zesłańcy a władze miasta. Zarząd wydał trzy takie wyroki. Pierwszy dotyczył Wincentego Brewczyńskiego, a dwa pozostałe Henryka Hryncewicza (Gryncewicza) i Aleksandra Korfa.

Największym echem odbiła się sprawa 27-letniego Wincentego Brewczyńskiego, mieszczanina z guberni Warszawskiej. Otóż podczas Świąt Wielkanocnych naubił on żonę Leopolda Skrodzkiego, 28-letniego szlachcica z Kraju Zachodniego. Podobnie postąpił podczas wspólnej zabawy zesłańców w podmiejskim lasku. Uznano, że miarka się przebrała i natychmiast po zakończonej zabawie w obecności Żaby do mieszkania Brewczyńskiego weszła czwórka zesłańców wraz ze Skrodzkim. Trójka zesłańców obezwładniła Brewczyńskiego, a Skrodzki w imieniu obrażanej żony wychłostał go różgami¹¹.

Inna sprawa była z Henrykiem Hryncewiczem, 39-letnim szlachcicem z Królestwa Polskiego i 38-letnim Aleksandrem Korfem, szlachcicem z guberni Kijowskiej. Obydwaj zesłańcy, jak można przypuszczać, otrzymywali spore kwoty pieniężne z domu, ale nie chcieli wносить żadnych opłat do wspólnej

¹⁰ Byli to: 1) Joachim Drużbacki (l. 24), szlachcic z powiatu Żytomierskiego (gubernia Wołyńska). Do Kurganu przybył w czerwcu 1864 r., a następnie w 1866 roku z polecenia gubernatora tobolskiego został przeniesiony do Tiukały (obecnie Tiukalinsk), a stamtąd do Omska. Niewykluczone, że to przeniesienie było skutkiem jego zaangażowania w działalność *Towarzystwa Pomocy Wzajemnej*; 2) Ignacy Dubowik (l. 19), szlachcic z guberni Mińskiej; 3) Dominik Karczewski, (l. 28), szlachcic z guberni Mohylewskiej; 4) Apolinary Kosecki, (l. 42), szlachcic z guberni Wileńskiej; 5) Roman Zborowski (l. 17), szlachcic z guberni Kijowskiej.

¹¹ Opinie na temat skali wymierzonej kary były bardzo rozbieżne. W jednych dokumentach zaznaczono, że Skrodzki ukarał Brewczyńskiego, uderzając tylko 10 razy różgami, a w innych, że aż 100 razy.

kasy. W związku z tym doszło do najścia na ich mieszkanie i wymuszono od nich wpłacanie składki na ogólne potrzeby *Towarzystwa Wzajemnej Pomocy*.

Na sumieniu miał Żaba jeszcze jedno przestępstwo. Otóż w czasie rewizji znaleziono u niego wiersz zatytułowany Członkom *Towarzystwa Wzajemnej Pomocy* (patrz aneks). Żaba tłumaczył się, że jest to wiersz Tomasza Zana, a przepisał go dla niego specjalnie inny zesłaniec, a mianowicie Antoni Jewcichiewicz¹², o którym, jak do

to już trudno powiedzieć. Z późniejszych dokumentów wiadomo nam, że osiedlił się w Aleksandrowskim Żelaznym Zawodzie w obwodzie Solikamskim, w guberni Permskiej. Wszystko wskazuje na to, że brat Kasper zmarł w Wierchoturie. Z raportów policyjnych wynika, że Michał Żaba w Aleksandrowskim Zawodzie sprawował się dobrze i niewykluczone, że prowadził prywatną praktykę lekarską.

W 1880 roku zmarł jego ojciec i wtedy 76-letnia matka zwróciła się do Loris-

wspomnień. Być może spokojnie leżą na półce w jednej z polskich lub ukraińskich czy wileńskich bibliotek i kiedyś trafią w ręce historyków.

Wspominaliśmy, że sprawą pobytu polskich zesłańców postyczniowych w Kurganie zainteresował się jeszcze w latach 1960-ch S. F. Kowal w aspekcie tzw. współpracy rewolucyjnej polsko-rosyjskiej. Trudno tej współpracy było się dopatrzeć komisji śledczej, ale też na podstawie jej materiałów można sądzić, że relacje między zesłanymi uczestnikami powstania styczniowego z mieszkańcami i władzami miasta, zwłaszcza z horodniczym Karpińskim układały się na zasadzie wzajemnego zrozumienia i poszanowania. Natomiast założenie samego *Towarzystwa Wzajemnej Pomocy* można by uznać, jako próbę odrodzenia idei tzw. „Ogółów” z czasów zsyłki z okresu międzypowstaniowego.

Prof. dr hab. Wiesław CABAN

W KURGANIE 1864–1867. POMOCY WZAJEMNEJ”

tej pory nic nie ustaliliśmy. Żaba podczas śledztwa przeprowadzonego 22 stycznia 1867 roku zaraz dodał, że Jewcichiewicz na jesieni 1866 roku zmarł. Wyjaśnił też komisji, że prosił Jewcichewicza o przepisanie tego wiersza, bo on sam nie miał żadnego utworu Tomasza Zana, a w ogóle to nie podziela on przesłania płynącego z tego wiersza. Komisja uznała, że jest to wiersz Zana, ale nie przekonała się do oświadczenia Żaby, że nie podziela on myśli zawartych w tym wierszu.

Jak wpłynęło śledztwo na dalsze losy polskiej diaspory w Kurganie? Na to pytanie na tym etapie badań nie jesteśmy w stanie odpowiedzieć. Najwięcej wiemy na temat losów głównego winowajcy, czyli Michała Żaby. Śledczy postanowili wsadzić go do kurgańskiego więzienia i powiadomić o swej decyzji generał-gubernatora Zachodniej Syberii. W więzieniu był krótko, gdyż wiadomo nam, że tego samego roku został przeniesiony do Ust-Kamienogorska i czasami przebywał w Semipałatyńsku. Od lipca 1870 roku do czerwca 1872 roku przebywał w Cariewokokszańskie w guberni Kazańskiej. W maju 1871 roku został uwolniony od nadzoru policyjnego, ale to nie oznaczało, że mógł wrócić w rodzinne strony. Zgodnie z istniejącymi przepisami wolno mu się było osiedlić na terytorium Imperium Rosyjskiego, ale za wyjątkiem stolic i miast gubernialnych. Nie wolno mu też było powrócić ani na Litwę, ani też do Królestwa Polskiego. Michał Żaba wybrał się więc do guberni Permskiej, ale czy to Wierchoturie,

Melikowa, ministra spraw wewnętrznych o umożliwienie przyjazdu Michałowi, by przed śmiercią można było uregulować notarialnie sprawy podziału majątku Szo między rodzeństwem. Loris-Melikow zwrócił się o opinię do gubernatora wileńskiego, kowieńskiego i grodzieńskiego. Ten nie widział przeszkód, by Michał Żaba zajechał w rodzinne strony na okres uregulowania spraw majątkowych. Ale jak sprawa się zakończyła, nie wiadomo.

Z resztek materiałów śledczych można wnosić, że pewna, niewielka grupa Polaków spośród 160 osobowej zbiorowości została rozesłana do różnych miejscowości guberni Tobolskiej. Można też zakładać, że niektórych objęły amnestie z lat 1866–1867 i wrócili w rodzinne strony, ale takich chyba nie było zbyt wielu, bo oba akty ułaskawienia sprawy obejmowały wybiórczo. Do ustalenia liczebności polskiej diaspory w Kurganie po 1867 roku i warunków jej życia mogłyby się przysłużyć pamiętniki. Nie sądzimy, by nikt spośród tak licznej grupy nie zostawił żadnych

Aneks

Członkom Towarzystwa Wzajemnej Pomocy

„Niech Bóg poszczęści” mawiali ojcowie
Początkom prawnej a szlachetnej pracy;
I ja też powiem: „Szczęść Boże panowie
I dług swój teraz, chociaż tem zapłacę...
Śród zim i lodów, w krainie pogańców¹³,
Gdzie tyran zgasić nasz ogień się wadzi,
Gdzie wszystko ostygnie, prócz serca wygnańców
I ludzie tylko snu wiecznemu radzi –
Wy, jako wierni synowie ojczyzny
Z mężem, co godzien uznania, na czele
Nie znając czaszy snu zdradnej trucizny
Dążycie k¹⁴ czynom – działacie o wiele...
Tu dzięki bracia! i ziemia i naród,
Tu lód tchnie z serca każdego mieszkańca,
Tu obcy cnoty – szlachetności zaród
I grób współczucia tutaj dla wygnańca –
To wzniosły, pierwszy, co myśl tę zaszczerpił,
By wspólną ręką nieść ulgę niedoli,
To dzielny, ktokolwiek myśl czynem okrzepił
I balsam niesie na ranę, co boli.
I brat z wygnania, i ziomek tam z kraju
I każdy, kiedy gdzie o was się dowie,
Uzna szlachetność w szlachetnym zwyczaju
I: dzielni, dzielni mężowie to! – powie;
Bo ciężko bracia! pod jarzmem przemocy
Gdy nędzy ciężka dłoń kogo przytłacza –
I dzielny, co wtedy z ręką pomocy
Spieszy i krzepi biedaka – tułacza.
Więc cześć wam mili – ten piękny trud – święty
W jedności świętej brata różne części –
I niebem dawno tam pewnie przeklęty,
Kto wam nie powie: „Niechaj Bóg poszczęści!”

Tułacz¹⁵, Kurgan, 10 listopada [1]864

¹² Nie wydaje się, że wiersz zamieszczony w aneksie należy do T. Zana. To zdaje się jest twórczość Jewcichewicza.

¹³ W krainie pogańców, pogan

¹⁴ Prawidłowo: ku czynom

¹⁵ Pod pseudonimem „Tułacz” być może kryje się Jewcichewicz, o którym Żaba wspomina w zeznaniach, że zmarł w Kurganie na jesieni 1866 r.

Это был период наиболее интенсивной эмиграции евреев в Палестину. «Полония», наше самое большое тогда пассажирское судно, неумолимо принимала на борт раз в две недели более тысячи ста пассажиров из Констанцы в Хайфу и Яффу. Во всех посещаемых нами портах «Полония» называли ГРАНД-ОРИЕНТ-ЛЮКС-ТОРПЕДА. Прокатиться «на нас» считалось хорошим тоном для сливок общества любой из стран средиземноморского бассейна. В те времена мы были самым скорым судном на этой линии и быстро завоёвывали себе клиентуру. Мы были доставщиками фруктов, апельсинов и грейпфрутов для двора румынского короля, о чём, быть может, сам король и не ведал.

Посреди недели, вечером, мы выходили из Констанцы. К двум нашим существующим трубам добавлялась «третья труба», искусно составленная из ящиков с курами. За перевоз кур в те времена выплачивалась максимальная фрахтовая ставка. Над нами тогда слегка посмеивались, что, мол, из нашей третьей трубы валят самые густые клубы «дыма» из птичьего пера. Птицы же в этом курином небоскрёбе добирались до места назначения вполне здоровыми. Бессмертие кур в нашей «третьей трубе» было основным источником зависти со стороны конкурентов.

Другим заманчивым моментом, привлекающим пассажиров, было объявление нашей дирекции в расписании рейсов, что на судне служит первый в истории е в р е й с к и й о ф и ц е р. Его официальная должность называлась «офицер по жалобам», а вот команда прозвала его «Стеной Плача».

Симпатии пассажиров, скорее всего из-за моего атлетического телосложения, зачастую проявлялись именно ко мне, а не к Стене Плача. Среди них я был известен как «Бен-Гур». И вместо того, чтобы со всяческими вопросами обращаться к офицеру по жалобам, огромное большинство пассажиров направлялось ко мне.

ЗНАЧИТ

Разговор обычно начинался с возмущённой тирады, состоящей исключительно из жаргонизмов или же на иврите. Если я отвечал, что не понимаю, то реакция почти всегда была негодующей и ироничной:

— Он таки не понимает по-еврейски!

Поскольку в течение рейса это повторялось по многу раз в день, я взялся учить иврит. Однако в тот момент, когда мне показалось, что начинаю делать успехи, меня перевели на верфь в Италию, где пришлось браться за итальянский.

Иногда, правда, если спрашивающие не подтрунивали над моим незнанием иврита, я был готов ответы давать.

Однажды вечером, после выхода из Констанцы подошли ко мне две весьма симпатичные девушки лет восемнадцати, и одна очень серьёзно спросила:

— Скажите пожалуйста, нам уже можно ложиться спать?

Этот неожиданный вопрос, заданный милой девушкой, застал меня врасплох. Тщеславие подсказало мне, что это, возможно, новый способ вовлечения в откровенно романтическую беседу. Я невольно улыбнулся и сказал:

— Сейчас двадцать три часа, и мне кажется, что девушки в вашем возрасте уже должны спать.

— Послушайте, вам это может и кажется смешным, но для нас

всё очень серьёзно, — услышал я суровый ответ. Мне подумалось, что, быть может, были проданы двойные билеты на одни и те же места, и девушкам теперь негде разместиться, и поэтому они пришли с жалобой.

— Простите меня, пожалуйста, — оправдывался я, — но чем я могу вам помочь?

— Будьте добры, — ответила смягчившимся уже голосом красавица, — мы хотим узнать, следует ли нам сначала лечь спать, а потом привыкать к качке, или сначала привыкнуть к качке, а уже потом ложиться спать?

* * *

Входим в Золотой Рог. Это первая стоянка после Констанцы. Одновременно с отдачей якоря с фок-мачты спускается турецкий флаг. Следующим портом будет Яффа. На мачту взлетает израильский флаг в бело-синие полосы с шестиугольной звездой, означающей вселенную.

Пассажиров всякий раз охватывает неистовый энтузиазм. Среди них большинство составляют халуки², эмигранты из различных европейских стран, отправляющиеся возделывать землю в пардесы³ Ротшильда для выращивания апельсинов и винограда. Юноши и девушки, чтобы дать выход эмоциям, сплетаются руками в круг, дабы станцевать и пропеть кадиму — песню халуков.

Золотой Рог

* Продолжение. Начало см. в №№ 32-33 (2011) и 49-52 (2016)

¹ Эвфемизм, читай: ЕВРЕЙСКИЕ (примеч. переводч.)

² Халуки, представители еврейской молодёжи, прошедшие практическую подготовку для жизни и работы в Палестине (примеч. переводч.)

³ Пардесы, плантации преимущественно для выращивания цитрусовых (примеч. переводч.)

КАПИТАН

Апельсиновая плантация

С обоих бортов можно было наблюдать нечто вроде битвы под Лепанто. Грузоотправители подвозят товары на огромных лодках. Каждый из них стремится загрузить это на Грант-Ориент-Люкс-Торпеду. Кто быстрее, тот и прав. Под бортом — кипит. Мы завоевали фрахтовый рынок, перевоза всё по расписанию в целости и сохранности: турецкие орехи лущёные и целые, сотни ящиков с яйцом, ящики с рыбой пеламидой — всё, чем только богата турецкая земля.

Те, кто не успели связаться с агентом и не получили у него «бумажку» на погрузку, стараются обратиться непосредственно к капитану. Падают перед ним на колени, умоляя принять товар. Вавилонская башня — это жалкое подобие того, что можно было услышать от молящихся на нас клиентов, каждый из которых старался говорить на языке, которого не знал, считая, что таким образом сможет лучше с нами договориться.

В Стамбуле мы стояли сравнительно недолго. Погрузка производилась всеми судовыми грузовыми устройствами и, вопреки всем правилам, даже с помощью шлюпбалок.

Удержать такое количество пассажиров на борту вдали от того, что их интересовало больше всего, без обладания «непостижимыми знаниями» не представлялось возможным. Преодолевая всевоз-

можные ограждения, они проныкали под висящий над палубой груз и заглядывали в распахнутые челюсти грузовых трюмов. Нам казалось, что всё закрыто, ограждено, завязано и находится под присмотром десятков стюардов. Но ничего не помогало. Из линей мы устраивали засеки, заплетая трапы на манер паутины. Бесплезно! Любопытство преодолевало всё, что бы мы ни придумали.

В центре такой густой паутины, растянувшейся над ступенями трапа, повисла как-то старушка. Висела она так над ступенями, не имея возможности ни достать трапа ногами, ни поручней руками. Когда я увидел бабушку в этой паутине, она тихонечко жужжала, как угасающая мушка. Глядела на меня жалобно, умоляя взглядом выволить её. Было страдальце лет под девяносто. Я не удержался от вопроса:

— Скажите пожалуйста, как вы думаете, зачем это всё так завязано?

— Как это зачем? — удивилась старушка. — Чтобы трудно было пройти!

* * *

После завершения погрузки в Стамбуле я зашёл в бар выпить содовой воды. У бара стоял старый, с огромной седой бородой еврей в чёрном халате.

— Будьте любезны! — обращался он к бармену. — Вы не могли бы дать мне немного кипятка?

— Уважаемый, вы разве не видите, что это бар?

— Вот так, жалко вам дать старому еврею чуточку кипятка? Вы желаете, чтобы старый еврей помер от жажды?

Бармен наливает стакан горячей воды и подаёт старику.

— Послушайте, вы хотите, чтобы старый еврей пил чистую воду? Добавьте туда немного заварки, — и возвращает стакан бармену.

— Ну, вот вам ваш чай, — бармен наливает в стакан заварку. — Только на этом успокойтесь. Вы видите, сколько людей ждёт?

— Пожалуйста! Вы хотите, чтобы старый еврей пил горький чай? Добавьте чуток сахару! — И старик протягивает бармену стакан с чаем.

— Хорошо, вот вам сахар, только перестаньте донимать меня. Ведь вы никому не даёте подойти к бару.

— Любезный! Вы знаете что? Я всегда пью чай с лимоном. Добавьте кусочек лимона, и старый бедный еврей выпьет свой чай с лимоном.

Бармен, морально побеждённый, добавил ещё и лимон. Но ни слова больше добавить уже не смог.

* * *

Сильный ветер настиг нас в Мраморном море. Появилась умеренная качка. На палубе меня остановил корабельный доктор.

Корабельных докторов причисляют к палубным офицерам, поскольку появились они на парусниках задолго до появления на них машин. С нашим доктором мы плавали уже несколько лет. По возрасту и душевным качествам был он для нас и отцом и матерью. Единственный недостаток его заключался в том, что, когда мы собирались совместно сходить на берег, доктор неизменно начинал искать монокль — сорок лет сидения над микроскопом привели к тому, что один глаз стал видеть слабее и приходилось носить монокль. На судне врач соглашался смотреть на всё одним глазом, а вот на суше — ни за что. Поэтому любая наша совместная вылазка на берег начиналась с поисков монокля. Монокли, которые мы покупали ему на именины, как и те, что он сам себе покупал, терялись непрерывно.

Продолжение на 16-й стр.

КАК-ТО собирались мы совместно посетить славный город Гелиополис⁴ в Сирии, и доктор, конечно же, приступил к поискам монокля. Один из нас, участвующий в этих безнадежных действиях, пришёл к выводу, что, поскольку немцы, по рассказам доктора, придумали даже обезьяну, то ему следует обратиться к ним с просьбой придумать «моноклевый зельц». Тогда наступят для нас совсем иные времена: как только соберёмся выходить вместе, отрежет доктор себе моноклевый ломтик, и все будут довольны.

Иногда доктор «развлекался» и без нас, но совершенно не так, как с нами. Почти в каждом порту известнейшие клиники приглашали его провести кому-нибудь трепанацию черепа. Доктору нужно было отдыхать и от нашего общества.

Проблемы с пассажирами, несмотря на наилучшие отношения с обслуживающим персоналом судна, доктор предпочитал разрешать с помощью штурманских офицеров, чувствуя себя, по видимому, одним из них. В Мраморном море у доктора возникла вдруг проблема найти мужа пациентки, которая лежала в лазарете и по случаю качки собиралась разрешиться.

С мегафоном в руках, выкрикивая фамилию мужа, мне удалось, наконец, супруга найти. Я привёл его в лазарет и отдал доктору.

Доктор пригласил мужа внутрь судового лазарета, в котором было пять женщин. Все умирали от «морской болезни», а одна ещё и вот-вот готова была родить.

— Утешьте жену, — говорит доктор.

Муж нерешительно осматривается, приглядывается к жен-

ЗНАЧИТ

щинам, но ни в одной не может распознать собственной супруги. Доктор проверяет имя и фамилию, всё сходится. Подходит к жене и спрашивает:

— Это ваш муж?

— Я не знаю. А как его зовут?

Доктор называет фамилию.

— Так, как вы называли, — добавляет он удивлённо.

— Тогда наверно это мой муж, — неуверенно отвечает роженица.

Доктор как-то не может взять в толк, почему рожающая женщина не узнаёт своего мужа. Муж объясняет:

— Видите ли, доктор, это просто. Я еду из Польши, а она, моя жена, едет из Германии. Из четверых наших детей двое едут из Венгрии, а двое из Австрии. Я вдовец. Она вдова. Все дети сироты. По визе в Палестину может въехать вся семья. Так откуда я могу знать, как выглядит моя жена и как выглядят наши дети? После того, как сойдём в Хайфе, то, может, уже никогда и не встретимся. Не пропадать же визе на всю семью для меня одного, если в Палестину пускают ограниченное количество семей?.. Это моя жена. Я вам очень за беспокойство благодарен!

* * *

Некогда в Хайфе мы грузили апельсины. Вторые сутки считаем подъём за подъёмом, до умопомрачения. Такие вещи людей тоже иногда сближают. В нашем случае палубного офицера со стороны судна и тальмана (учётчика груза) со стороны отправителя.

Небольшая пауза, ждём подвоза очередной партии апельсинов из известных пардесов Ротшильда. Товарищ по несчастью в подсчёте груза, молодой, чуть старше двадцати лет юноша, говорит на чистейшем польском литературном языке. С энтузиазмом он рассказывает о Ротшильде, получившем свою фамилию благодаря закреплению красного щита на франкфуртском еврейском гетто одним из его предков, сын которого, в свою очередь, добавил к фамилии титул барона Англии. Основатель нынешних пардесов, желая оказать помощь наиболее бедным соплеменникам, приобрёл для них сначала так называемую Южно-Американскую Месопотамию (Междуречье), и поселил там на земельных угодьях бедняков, обеспечив их сельскохозяйственными и дворовыми постройками. Всё это, как не опиравшееся на библейско-сентиментальную почву, привело лишь к продаже сельхозинвентаря и бегству за реку в города и в торговлю.

— Лишь нынешние пардесы и виноградники, заложенные в Палестине, вместе с надеждами на воскрешение Иудеи, привели к массовой эмиграции со всего мира на Землю Обетованную. А как обстоит теперь, вы сами видите, — завершил своё рассуждение молодой тальман.

И тут же добавил:

— А вы знаете, что лучше и желаннее всего отвлекает меня от этой нудной, безнадежной и бесплодной работы тальмана?

Порт Хайфа

⁴ Ныне Баальбек (в Ливане)

КАПИТАН

Вынул он из кармана куртки небольшую оправленную в отменную кожаную обложку книжечку:

— Собственно мне нет нужды читать, я и так знаю её наизусть. Но вот обожаю эти слова рассматривать. И я всегда при этом чувствую, будто читаю их впервые...

Открыл он всё же книжку и произнёс: «Перенеси мою тоскующую душу к этим холмам лесистым, этим лугам зелёным, над Неманом лазурным широко протяжённым»⁵

— Я оттуда, — прибавил он.

* * *

С нуля часов заступаю на вахту в Левантийском море. Идём по светлой полосе расплавленного лунного серебра. В этот момент наш курс ведёт прямоком к луне. Такая ночь окунёт в мечты любителей...

На мостик несмело входит молодая пара. Она, вся в мечтах, спрашивает:

— Пожалуйста, можно нам здесь постоять? Так тут красиво.

Вообще-то на мостике нельзя находиться никому из пассажиров, но в самом деле вид на лунный путь отсюда великолепен.

— Пожалуйста, — отвечаю.

Стоят они, всматриваясь в светлую полосу, по которой движется судно. Два часа ночи. Сменяются рулевые. Рулевой сдаёт мне курс. Осмелевшая от этого движения пара приближается ко мне. Их всё больше охватывает восторг от луны и серебристого пути. Тут же слышу обращение ко мне:

— Вам-то здесь хорошо, — говорит она.

После множества рейсов на этой линии уже начинаешь понимать пассажиров.

— А кому плохо? — отвечаю вопросом.

— Тем, кто внизу, кто гребёт.

Не верю своим ушам.

— Кто гребёт? — спрашиваю. — Что вы говорите? Не понимаю.

— Видите ли, мы всё знаем. Мы знаем, как вы их мучаете и

Ханка Ордонувна на «Полонии»

бьёте. Мы всё знаем. Мы всё в кино видели...

Меня это позабавило, и я спросил:

— Вы когда-нибудь машины видели?

— Простите, я знаю, что вы не имеете права об этом говорить, и мы не в обиде. Но мы знаем. Мы всё знаем.

— Вы в самом деле не видели машин? — спрашиваю ещё раз.

— Помилуйте, а эти круглые окошечки, они что, не для гребли разве?

* * *

Во время одного из рейсов из Константы в Яффу, как только миновали мы мыс Папас на острове Икарии, налетел свежий порыв ветра. В этот момент я сходил с трапа, ведущего на шлюпочную палубу. Увидев меня, один из пассажиров отложил читаемую книгу, сорвался с шезлонга и подошёл ко мне.

— Скажите, пожалуйста, — спросил он, — Какой это ветер подул? Это не Зефир?

По опыту я хорошо знал, что на судне не следует портить пассажирам настроения необдуманным отрицанием того, что они себе навоображали, если, конечно, это не могло нанести вреда. Особенно нашим нынешним пассажирам, пребывающим в библейской эпохе

и говорящим на возрождённом иврите, безусловно следовало с готовностью поддакнуть.

Поскольку спрашивающему пассажиру я не мог дать положительного ответа, пришлось давать ответ уклончивый, но соответствующий эпохе, в которой пребывал тот в своём воображении.

— Это брат Зефира, Эврос. Оба они дети титана Астайоса и Авросы-Эос, — ответил я.

Вопрос пассажира и последовавший на него ответ перенесли мои мысли на много веков назад, на трирему, идущую в Рим. На ней делегация Иудеи направляется для принесения присяги на верность Цезарю. По прибытии в Рим делегации предстоит в зале для аудиенций пасть на колени перед величием Цезаря. Иудеям это запрещено религией. Недопустимо им унижаться ни перед кем, кроме Иеговы. Поэтому в момент, когда Цезарь появляется в зале, мудрый Ребе упускает на мраморный пол мелкую денежку и вся делегация, как по команде, падает ниц, чтобы с запалом искать оброненную патриархом монетку.

Среди представительств всех покорённых народов империи Цезарь не отметил ни одной другой, которая бы с такой готовностью и так низко была ему челом.

* * *

На нашем борту путешествовала Ханка Ордонувна⁶. Пассажиры были в восторге от её историй про мудрого раввина и его молоденького ученика, который обо всём спрашивал у своего наставника:

— Скажи мне, Ребе, какой чай пьёт король?

— Берётся сахарная голова, — говорит Ребе, — в ней выдалбливается отверстие размером с напёрсток и туда вливается чай. Когда он хорошо усластится, то такой чай пьёт король.

— Ребе, Ребе, — шепчет обрадованный ученик, — а скажи мне, какую картошку ест король?

— Строится стена из масла, — отвечает Ребе, — пушка заряжается картошкой. Король садится на троне по другую сторону стены из масла напротив пушки. Потом солдаты стреляют из пушки. Картошка пробивает стену из масла и попадает прямоком в рот короля.

Продолжение на 18-й стр.

⁵ Строки из поэмы Адама Мицкевича «Пан Тадеуш» (примеч. переводч.)

⁶ Ханка Ордонувна (Мария Анна Тышкевич, 1902-1950) — популярная певица, поэтесса, танцовщица и актриса (примеч. переводч.)

— Ой, Ребе, Ребе, — ахает восторженный малец. — А скажи мне, Ребе, как спит король?

— Строится огромная башня. Огромная. В башню насыпается пух, насыпается, насыпается пока вся башня не засыплется. Тогда берут короля и кладут его на этот пух. Всё войско, со всего королевства приходит к башне, и стоя под ней, всё время повторяет: ША! ША! ША!

* * *

Был пятничный вечер. Наступало время шабаша и зажигания свечей по этому поводу. В какое время следует зажигать свечи?

Эта проблема решалась талмудом следующим образом — свечи надлежит зажигать, когда покажутся звёзды. Сколько звёзд должно быть видно? Если видна одна звезда, то это не «звёзды». Если видны две звезды, а первая не считается, то значит, что видна лишь одна звезда. Если видны три звезды, то это значит, что видны две звезды, то есть видны «звёзды», тогда свечи можно зажигать.

В соответствии с талмудом во время шабаша никто не имеет права находиться за пределами домашнего двора. Но что делать, если судно в пути, а приближается шабаш? Ведь нарушать предписания талмуда недопустимо.

К счастью, некогда на «Полонии» пребывал мудрый Рабби, который нашёл решение этой трудной проблемы — стоит только общине купить судно, как все на время шабаша станут пребывать дома.

Это дело провернул с первым офицером судовой кошер, повар кошерной кухни для тех, кто остерегался трефной пищи. Первый офицер уже раз пятнадцать «продал» «Полонию» таким образом, каждый раз принимая десять грошей от раввина и представителей общины.

На этот раз делегация, «покупающая» судно, перепутала каюты. И вместо каюты первого офицера, находящейся по левому борту, постучала в каюту капитана — по противоположному борту.

Делегация стучит в двери. Талмуд учит, что стучать следует всегда, поскольку Господь, хотя и знал, где находится Адам, тем не менее, спросил: «Адам, где ты?»

ЗНАЧИТ

Сквозь тонкие деревянные переборки кают разговор отлично прослушивается:

— Позвольте, пожалуйста!

— Значит, что случилось?

— Мы пришли купить «Полонию».

— Значит, как это купить «Полонию»?

— Простите, мы всегда покупаем «Полонию».

— Значит, я не понимаю. Как это вы ВСЕГДА покупаете «Полонию»? Что-то можно купить только однажды.

— Видите ли, вы этого не поняли? Каждый раз на «Полонии» находятся другие люди, поэтому каждый раз её приходится покупать снова. Так что мы пришли, как всегда, её купить. Для этих, других.

— Значит, я этого совершенно не понимаю. Значит, к чему вам покупать «Полонию»?

— Вы хотите получить на этот раз больше денег? Нам сказали, что вы всегда продаёте нам её за десять грошей. Теперь вы хотите больше?

— Значит, какие десять грошей? Значит, что вы говорите? Значит, зачем вам покупать «Полонию»?

— Видите ли, мы не можем во время шабаша быть в пути. А если мы купим «Полонию», то все мы

будем вроде как дома. Почему вы сегодня не хотите нам её продать?

— Значит, вы обманываете своего Господа Бога и хотите, чтобы я вместе с вами вводил его в заблуждение? Как вы смеете подговаривать меня обмануть Господа Бога?

— Ой, вы слишком много о себе мните. Господу Богу нечего больше делать, как только следить за вами. Мне ещё не приходилось встречать столь высокомерного человека!

— Значит, прошу покинуть каюту! Значит, немедленно! Если вам хочется обманывать своего Господа Бога, то, значит, не со мной. Значит, вы поняли? Значит, ещё раз прошу незамедлительно выйти!

Услышав резкий голос капитана, я поспешил ему на выручку. Я понимал, что он не справится с делегацией, которая вынуждена купить сегодня судно. Я показал представителям общины нужное направление. Возбуждённые голоса делегации отдалялись очень уж медленно.

Капитан, который впервые столкнулся с делами, известными нам не понаслышке, всё ещё не мог прийти в себя, и сказал мне необычно много слов.

— Значит, вы понимаете? Значит, кто-то им продаёт «Полонию» в каждом рейсе, за десять грошей. Значит, я ни во что не посвящён. Значит, они думали, что я решил теперь цену поднять. Значит, вы понимаете, я им сказал, что если они желают обманывать своего Господа Бога, то пусть обманывают его без моего участия. Значит, вы знаете, что мне сказал раввин? Что Господу Богу нечего делать, как только присматриваться к тому, чем я занимаюсь. Значит, вы понимаете? Значит, он сказал, что я ВЫСОКОМЕРЕН.

ДУХИ

Выйдя вечером из Александрии, «Полония» легла на курс, ведущий на Крит, а затем — в Пирей. Была полночь. Я сдал вахту своему сменщику, подписал вахтенный журнал и ещё раз сверил наше место на карте

Плакат исхода
на Землю Обетованную

КАПИТАН

Александрия

с записью в журнале. Теперь за мной оставалась единственная служебная обязанность — ночной обход нашего трансатлантического лайнера. Я захватил с мостика огромный электрический фонарь и отправился в дозор.

Подобные обходы не всегда были приятны, особенно в штормовой Северной Атлантике из-за морской болезни, которой страдали многие пассажиры. Но и на этой линии не доставляли они удовольствия, особенно когда судно, заполненное до последнего места, следовало в Яффу. Малейшая качка тут же «мобилизовала» приверженцев морской болезни.

Скрупулёзный обход секций пассажирских помещений и всех закоулков, где мог возникнуть пожар, отнимал немало времени. Пожар был самым опасным нашим врагом. Луч электрического фонаря искал непогашенные окурки, легкомысленно брошенные пассажирами. Каждый подозрительный запах дыма должен быть проверен, а его источник найден. Каждые два часа, начиная с двадцати двух часов всё судно контролировалось штурманским практикантом во время вахты и офицером — после неё. С шести утра надзор за безопасностью переходил к интендантам отдельных секций. В одиннадцать все помещения судна посещались грозной инспекцией, состоящей из первого офицера, первого механика, судового врача, помощника по пассажирской части и интенданта,

возглавляемой самим капитаном. К этому времени судно приводилось в состояние безукоризненной чистоты, и таким оно должно было оставаться до следующего инспекционного обхода.

На ночные обходы мы отправлялись без особого воодушевления. Каждому уже грезилась удобная койка в своей каюте. И на этот раз я без всякого энтузиазма бродил по помещениям, машинально высвечивая углы фонарём. В этом рейсе пассажиров было относительно немного. Как на море, так и в каютах царствовала невозмутимая тишина. Внутренние помещения блестели эмалью. В усталых коврами коридорах стоял запах духов и одеколона.

Я спустился на нижнюю пассажирскую палубу. Везде образцовый порядок и спокойствие. Вдруг двери с левой стороны коридора распахнулись и из каюты выбежала пассажирка. Она неслась по коридору в моём направлении удерживая наспех накинутый халатик. На ногах были только чулки. В её широко открытых глазах стоял ужас. Подбежав ко мне, она прошептала:

— Духи!

Я успел рассмотреть, что пассажирка высока, стройна и милостива.

— И где эти ваши духи? — спросил я тоже шёпотом.

— В каюте, — прошептала дрожащая красавица.

— Что они делают? — заинтересовался я.

— Опрокидывают мои туфельки, — продолжала она шёпотом. — Я не кричала, чтобы никого не разбудить, и побежала за стюардессой. Я панически боюсь духов. Спасите меня!

Прекрасной пассажирке на вид было лет двадцать, и она в самом деле была напугана. Девушка держала меня за руку и продолжала шёпотом:

— Я ужасно перетрусилась, ужасно!

Её уста были прекрасно скроены, глаза — карие, волосы — чёрные...

Ничему не удивляться! *Nil admirari*, — вспомнился мне совет Пифагора, данный тем, кто хочет жить спокойно.

— Может кто-то забрался в вашу каюту?

— Не знаю, — шепнула она.

— Может вы любезно объясните мне, почему вы решили, что в каюте духи?

— Я вернулась в каюту с танцев потому, что очень уж жали новые туфельки. В каюте кроме меня никто не живёт. Стала я раздеваться — сначала разулась и тесные туфли поставила справа от умывальника. Когда я сняла платье и собралась умыться, заметила вдруг, что туфельки лежат. Я хорошо помню, что их поставила, а качки сегодня нет. Туфли я тут же вернула в прежнее положение, а в момент, когда брала в руки мыло, заметила, что одна туфелька без всякой на то причины опрокидывается, а за ней — и вторая. Я схватила халат и выбежала из каюты за стюардессой ну и встретила вас.

Мы отправились в каюту. Внутри горели два светильника: один для чтения — над койкой, другой — у потолка. Через приоткрытые двери был виден умывальник, закреплённый на стальной водонепроницаемой переборке. У противоположной деревянной переборки располагалась койка. Рядом с ней на стуле висело вечернее платье, на приготовленной ко сну койке лежала пижама. Опрокинутые бальные туфельки валялись с правой стороны умывальника, а с левой стороны стоял изысканный кожаный несесер.

— Вы мне можете помочь? — прошептал я.

— Я в каюту ни шагу. Умру от страха!

Продолжение на 20-й стр.

-НИЧЕГО не бойтесь. Я буду стоять в дверях. В соседней каюте спят пассажиры. Постарайтесь вести себя так, будто меня нет. Войдите в каюту, поставьте туфли на место и начните мыть руки.

Прекрасная дама решила войти в каюту, вернула туфли на своё место и подошла к крану.

Она и в самом деле была очаровательна...

Вдруг одна из туфельек упала. Перепуганная девушка одним махом выскочила из каюты, пробежала мимо меня и остановилась лишь в середине коридора. Через мгновение упала и вторая туфелька.

Я зажёл фонарь, тихо проник в каюту и, подсвечивая себе, заглянул под койку. Никого там не было. Тогда я быстро встал на колени, приблизил лицо к лежащим туфелькам, и, осветив его, произнёс:

— Перестаньте пугать пассажиров!

Я поднялся, перенёс несесер на ту сторону, где стояли туфельки, и вышел в коридор к беспомощно ждущей меня пассажирке.

— Вы видели? Видели? — шепнула она.

— Видел, — ответил я спокойно. — Это вибрация. На это место я поставил ваш несесер. Оставьте, пожалуйста, его там и спите спокойно.

— Я очень боюсь духов, — шёпотом сообщила пассажирка.

— Вы когда-нибудь в своей жизни духов видели?

— Нет, только сейчас. Впервые.

— Тогда придётся вас разочаровать. Это не духи, а вибрация. Иногда она проявляется неявно, но на некоторых судах бывает даже несносной. Уверяю, что ваш сон больше нарушен не будет. Спокойной ночи!

Я направился в машину, где нашёл «духов» в лице кочегаров. Они просверлили водонепроницаемую переборку над самым полом каюты в пояске серой краски, которой красят пол и узкую полосу переборки над ним. Тонкой проволокой переворачивали они туфельки, когда те мешали им восхищаться прелестной пассажиркой.

Пришлось напомнить, что нарушение водонепроницаемости отсека преступно,

ЗНАЧИТ

Пассажирская каюта

и наилучшим для них выходом будет, по договорённости со stewardом этой секции, заклепать отверстие ещё до завтрашнего инспекционного обхода. Мне парировали, что я чересчур завистлив, и что им впервые довелось восхищаться столь прекрасной девушкой...

* * *

Поддержание порядка в миниатюрном государстве, каким является судно — это вопрос первостепенного значения. Вообще-то любое государство для самосохранения должно поддерживать порядок. И поэтому в каждом государстве существует для этих целей гигантский аппарат, огромная машина по защите правопорядка. На нашем судне эта задача возлагалась на одного единственного человека — ТРЕТЬЕГО ОФИЦЕРА.

Если на судне что-либо не соответствовало порядку, то вина ложилась на «третьего». Капитан выразил это лаконично:

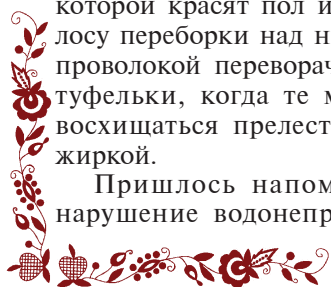
— Значит, беспорядок. Значит, вы не в порядке.

Доказывание своей непричастности играло чисто символическую роль. Капитан отлично понимал, что третий офицер невиновен, но считал, что «третий»

должен заботиться о судне таким образом, чтобы не случилось ничего, что можно назвать непорядком. Следовало предусмотреть всё, дабы этаким случай напрочь исключить.

Слабым утешением было то, что капитан в равной мере применял этот суровый метод по отношению ко всей палубной команде. Иногда проступки могли сойти с рук машинной команде или пассажирской службе. Палубной же — никогда!

С другой стороны, капитан по-своему стоял на страже наших привилегий. Как-то на судно был принят новый помощник интенданта на звонкую должность «редактора». Поскольку, кроме редактирования судовой газетки, в его обязанности входило развлекать пассажиров, занимая их внимание разнообразными играми на палубе, мы заменили его титул с «редактора» на «офицера-затейника». Как редактору ему были положены знаки различия в виде двух золотых полосок на каждом рукаве. Невообразимое тщеславие этого человека подсказало ему мысль нашить над ними штурманские якорьки. Таким образом он стал выглядеть вторым офицером. Мы молча воспринимали

КАПИТАН

эту профанацию. Никто из нас не обратил его внимания на то, что он нарушил «табу». Стали мы терпеливо ждать встречи профана с капитаном.

Однажды редактор явился в холл, чтобы принять участие в инспекторском обходе. Ему хотелось раздобыть материал для своей газетки. Челюсть капитана, увидевшего якорьки на рукавах редактора, заняла положение «ураган». Вслед за этим последовал монолог, предварённый словом ЗНАЧИТ, а минуту спустя редактор, уже без якорьков, доложил капитану о прибытии.

Никогда не удовлетворялись наши просьбы оставить на судне палубного матроса, который навёл что-нибудь негодное.

— Значит, вы не понимаете, что палубной команде отводится решающая роль в безопасности судна? — слышали мы подведение итога своему неудачному вмешательству в подобные дела. За порядок по отдельным частям отвечали мы все, но «третий» должен был особо заботиться о совокупности. Среди всего прочего лежала на нём ответственность за чёткое объявление тревог, за укомплектованность и состояние спасательных шлюпок, за противопожарную службу, за состояние навигационного оборудования, за судовождение и всю «литературу» с этим связанную. Занимался он и нетрезвыми, и поэтому в его распоряжении были особые «ясли». Соответственным титулом для «третьего» могло бы стать американское определение *Troubles-Shooter* — в свободном переводе: «человек, избавляющий от забот».

Единственной машиной, которой располагал «третий» для того, чтобы всё знать, были специальные часы и «прикованный» к ним ночной сторож, который, однако, частенько менялся. Часы оставались те же самые, но существовали и запасные. «Третий» ведь не мог оставаться без глаз, ушей и рук по ночам.

Судно по всей его длине и ширине по ночам обходил ночной сторож, чтобы в случае обнаружения возгорания он мог

вовремя поднять тревогу. Для подкрепления уверенности в том, что ночной сторож исполняет свои обязанности надлежащим образом, в местах, где была высокая вероятность возгорания, находились металлические коробки с метровой длины цепочками, на конце которых был прикреплён ключик. В задачу ночного сторожа входила обязанность каждые полчаса посетить это место, вставить ключик в особое отверстие в корпусе часов и повернуть его. Кроме того, ночной сторож, в случае обнаружения нарушения корабельной дисциплины или установленного порядка, был обязан незамедлительно доложить об этом на мостик или «третьему».

Так что с десяти вечера до шести утра блуждал ночной сторож по судну, вставляя очередные ключики в отверстие часов, покоящихся в кожаном футляре на перекинутом через плечо длинном кожаном же ремне. Часы в скором времени становились предметом ненависти каждого ночного сторожа, а функция автомата для проворачивания ключей — проклятием его жизни. Если «третий» контролировал точное исполнение служебных обязанностей ночным сторожем, то последнему приходилось подыскивать себе другую «должность» на судне, а если для иной работы он не годился, то

раньше или позже часы становились причиной конфликта.

Нас всегда занимала мина нового ночного сторожа, который в течение длительного времени не сумел постичь тайны обслуживаемых им часов. Ночной сторож прибывал на своё «рабочее место» к десяти часам. Третий офицер заранее «заряжал» часы, открывая их специальным ключом, новым бумажным кружком, на котором были отмечены секторы с делениями по часам и минутам.

Извлечённый из часов использованный кружок вклеивался в специальный «Вахтенный журнал ночного сторожа». Рядом заносились замечания о течении его службы. Журнал представлял собой важный документ для страховой компании, как доказательство бдительности судовой команды в отношении пожарной безопасности, за которую отвечал третий офицер.

Мы замечали удивление, а затем и испуг на лице сторожа, когда «третий», подводя итоги предыдущей ночной службы, говорил, к примеру:

— Вы с нуля часов и до пяти утра сидели в буфете, ели бутерброды, пили чай и спали!

Или:

— С двадцати двух до часу ночи вы играли в карты с кочегарами.

Или даже:

— Лежали вы в каюте с двух до пяти.

Каждое из этих утверждений было произнесено с такой уверенностью в голосе, будто «третий» неотступно наблюдал за работой ночного сторожа.

Продолжение на 22-й стр.

Купюра в 20 злотых

НОЧНОЙ сторож сначала бледнел, потом срывался на гнев и называл фамилии предполагаемых доносчиков:

— Это, пан поручник, Пухальский меня оговорил. В тот вечер он проиграл двадцать злотых. Думал, что я в его карты заглянул, когда зашёл к ним попить воды.

Или:

— Пан поручник, это та стюардесса Зоська из двухсотого сектора насплетничала на меня потому, что я ей сказал, что следует убрать в коридоре, который весь был замусорен бумагой.

Если ночной сторож уж очень настаивал, чтобы мы назвали доносчика, то всегда слышал от нас — «духи». Роль духов играло многолетнее знакомство с повседневной жизнью судна и информацией о ней, которая передавалась, как и служба на мостике, при сменах вахты. Не обойтись было при этом и без знания номеров каждого отдельного ключа.

Проходило немало месяцев, прежде, чем каждый из нас начал хорошо понимать язык цифр, выбитых на бумажном кружке, извлечённом из таинственных часов. «Доносчиком» был номер двухмиллиметровой высоты, размещённый на бородке ключа, который при прокручивании выдавливал свою цифру на кружке в секторе данной минуты. Если одна и та же цифра, например, «тройка» пробивалась на кружке каждый час или чаще, можно было догадаться, что ночной сторож сидит в буфете, пьёт чай, ест бутерброды и время от времени засыпает. Если бы он выпил кофе, то, скорее всего, не спал бы, а взбодрившись, отправился на обход.

Если каждые пятнадцать-двадцать минут сторож пробивает на часах «семёрку», то известно было, что ключ с этой цифрой находится над дверью в столовой кочегаров и нужно туда войти, чтобы до него добраться. Если это происходило между двадцатью двумя и часом ночи, становилось понятным, что ночной сторож всё это время пребывал у кочегаров и не спал. Если же во время ночных дозоров не раз приходилось наткнуться на играющих в карты кочегаров, то можно было догадаться, что и ночной сторож ис-

ЗНАЧИТ

Грузовые работы в порту Яффа

пытывает здесь везение. Столько часов не мог он лишь наблюдать за игрой, а после окончания игры прокручивал ключ в часах...

При сильном волнении ходить по судну было очень затруднительно. В случае, если в каком-либо секторе была незанятая каюта, то ночной сторож, если в ней прилёг, позволял себе не больше беспокойства, чем через час-другой пропечатать номер ключа, размещённого в коридоре этого сектора.

Во всех таких случаях ночной сторож был убеждён, что ему удаётся обманывать третьего офицера или кого-либо из нас, когда мы его подменяли. Он не понимал, что сам на себя пишет обвинение. Эта игра, впрочем, не могла продолжаться бесконечно. Её конец наступал в тот момент, когда ночной сторож убеждался, что штурмана всеведущи. И тогда приходилось ему подыскивать себе другую работу у интендантов или механиков.

И мучеником становился человек, который не умел ничего другого, как только прокручивать ключи в отверстия часов. «Третий» не мог долго мириться с ненадлежащим исполнением служебных обязанностей. А вот ночного сторожа, если у него не

было перспективы получить другую работу, до бешенства доводила обязанность из ночи в ночь ходить по судну и прокручивать ключи. Свой гнев изливал он, прежде всего, на третьего офицера, а затем и на всех палубных офицеров, в которых видел своих непримиримых врагов. Заканчивалось всё списанием на берег человека, который покидал нас с корсиканской вендеттой в сердце ко всей палубной команде вообще, а к штурманским офицерам во главе с «третьим» — в особенности.

* * *

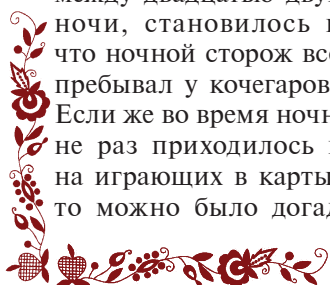
Челюсть капитана указывала на «шторм», когда приглашал он нас к себе в каюту. Нас, это значит — палубных офицеров.

— Значит, может вы изволите прибыть ко мне и объяснить, что мне об этом думать. Значит, я получил письмо из Варшавы от генерального директора.

В каюте капитан предложил нам присесть, достал из папки письмо и принялся читать:

— «палубные офицеры приводят в свои каюты женщин и фотографируют их обнажёнными в койке...»

Прервал он чтение и пристально стал наблюдать, какое впечатление это на нас произвело.

КАПИТАН

— Так это же я, пан капитан, — сказал один из нас.

— Вы? — удивился капитан. — Значит, вы же несколько месяцев тому назад женились?!

— Да, пан капитан. Если вы помните, директор Плиниус разрешил мне в один из рейсов забрать с собой жену. Жена, желая показать родителям, как выглядит наша жизнь на судне, попросила сфотографировать её в каюте, на палубе, в салоне. Я пригласил судового фотографа в каюту сделать несколько снимков в койке и у письменного стола. Эти фотографии жена выслала родителям.

Капитан ничего на это не ответил и продолжал читать:

— «палубные офицеры бегают на четвереньках под каютами пассажиров и лают как собаки»...

— А это уже я, пан капитан! — вырвалось у меня.

Капитан, который как-то в моём присутствии заявил, что в жизни старается следовать высказыванию Пифагора, по-видимому забыл его, ибо в его голосе прозвучало нескрываемое удивление:

— Значит, как это — вы?!

— Это долгая история, пан капитан, и я буду стараться по возможности её максимально сократить. В Яффе проживает старый, впавший уже в детство возчик, хаджи Мустафа, приятель одного из управляющих стивидорами⁷. Мустафа приезжает на судно по привычке, от нечего делать и со всеми ссорится. Если хаджи Мустафа появляется на судне — скандал неизбежен. Стивидоры его ненавидят, но боятся его приятеля. Однажды Мустафа переругивался с хозяином баржи. По какому поводу? Никто не знал. Хаджи Мустафа без ругани жить не мог. Они уже час ругались. Собственно, хрипели друг на друга. Никто не работал, все прислушивались к тому, что на палубе кричал хаджи Мустафа и тот второй на барже. Неожиданно хозяин баржи по тросу стремительно взобрался на палубу, и подражая ворчанию собаки, укусил Мустафу в живот, после чего стал

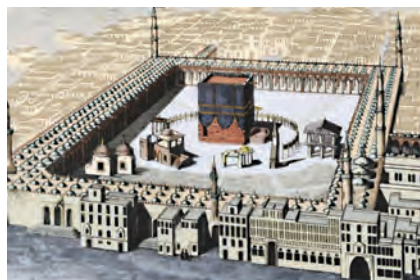
яростно гавкать. Перепуганный хаджи Мустафа понёсся к трапу как бешеный. Управляющий стивидорами пояснил, что Мустафа совершил требуемое Кораном паломничество в Мекку и получил прозвание «хаджи». Во время этого паломничества на него несколько раз нападали собаки, и теперь он панически их боится... Во время одного из наших заходов в Яффу на судне опять появился хаджи Мустафа и стал ругаться со стивидорами. Стивидоры, конечно же, прекратили работу. Поскольку нам непременно хотелось перейти в Хайфу ещё до захода солнца, войти в порт и спать там спокойно, а не торчать здесь на рейде, нужно было что-нибудь предпринять. Когда хаджи Мустафа обернулся ко мне спиной, я упал на четвереньки и залаял. Эффект превзошёл все ожидания — хаджи Мустафа бросился к трапу. Признаюсь, что я не удержался и погнался за хаджи, заливаясь лаем. Мустафа даже не обернулся, сбежал с трапа на моторную шлюпку и съехал на берег... Пассажиров на судне не было, лишь единственная стюардесса выглянула из иллюминатора на прогулочную палубу, по которой я гнался за хаджи. Стивидоры тут же возобновили работу, так что ещё до вечера мы ошвартовались к причалу в Хайфе.

Капитан смотрел на меня так, будто увидел впервые в жизни.

— Значит, вы, конечно же, всегда всё знаете. Но, значит, откуда обо всём этом стало известно дирекции в Варшаве?

— Духи! — ответили мы дружно, как по команде.

— Значит, как это — духи?!

Мекка

— Это — предпоследний ночной сторож, пан капитан. Тот, которого пришлось списать, — объяснили мы.

— Значит, вы вновь начинаете изъясняться так, что вас невозможно понять.

Каждый из нас понимал, что нельзя в нескольких словах поведать капитана в наши немалые достижения в области выявления подробностей несения службы ночным сторожем по ряду цифр, выбитых на бумажном кружке, помещённом внутрь часов. А поскольку капитан гнушался прислушиваться к судовым сплетням, то никто и не смел ему их рассказывать. Но что было делать:

— Пан капитан, когда ночной сторож спрашивал нас, кто донёс, что он играл в карты с кочегарами, мы всегда ему говорили, что это — духи.

— Значит, откуда вам было известно, что он играл в карты с кочегарами?!

— В столовой кочегаров находится ключик с седьмым номером. Если он в течение трёх часов пробивал семёрку, это значило, что играл в карты с кочегарами, пан капитан, — старались мы объяснить капитану как можно яснее и понятнее.

— Значит, подумайте. Того, что вы сейчас утверждаете, никто не поймёт.

— Но было именно так, пан капитан. Когда мы ночному сторожу об этом сказали, он посчитал, что наверняка на него донёс Пухальский, обозлённый тем, что проиграл двадцать злотых. Но мы ему заявили, что это — духи.

— Значит, это вам Пухальский сказал?

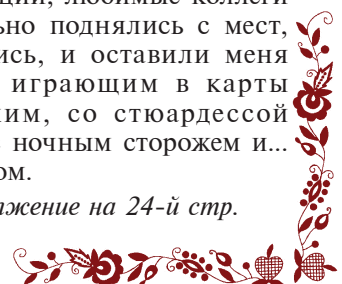
— А когда мы сторожу сказали, что он спал в пассажирской каюте, то он признался и заявил, что насплетничала на него наверняка стюардесса Зоська, поскольку он с ней поругался из-за мусора...

— Значит, может ли кто-то один из вас ответить на мой первый вопрос?

Прежде, чем я сориентировался в ситуации, любимые коллеги моментально поднялись с мест, откланялись, и оставили меня одного с играющим в карты Пухальским, со стюардессой Зоськой, с ночным сторожем и... с капитаном.

Продолжение на 24-й стр.

⁷ Стивидор — работник порта, проводящий грузовые работы на судне (примеч. переводч.)

-ЗНАЧИТ, вы пытаетесь меня убедить, что по листку бумаги, извлечённому из часов, вы читаете, что ночной сторож играет в карты с Пухальским или ругается со стюардессой. Откуда вам обо всём этом известно? Кто вам об этом рассказал?

— Никто, пан капитан, не рассказывал. Но если один и тот же номер пробивался на часах в течение трёх часов, то это значило, что всё это время ночной сторож пребывал в этом самом месте.

— Значит, я это отлично понимаю. Только вы мне всё время говорите «бил семёрку», то есть играл в карты с Пухальским.

— Пан капитан, ночной сторож сам нам рассказал, что наверняка на него донёс Пухальский, потому, думал, что сторож заглянул в его карты. Сам же ночной сторож выразил предположение, что стюардесса отомстила ему за то, что обратил её внимание на замусоренный бумагами коридор. Во всех своих проступках ночной сторож всегда признавался сам, когда по пробитым на бумаге цифрам мы определяли, чем он занимался на службе. Все наши предположения оказывались верными. Попытки ночного сторожа вводить нас в заблуждение всегда продолжались до тех пор, пока не стал он нас всех считать «посвящёнными». Тогда свою службу он начинал исполнять очень старательно, пытаясь как можно быстрее перевестись в машинную команду, пассажирскую службу или же просил уволить с судна.

— Значит, я тоже понял, что следует тоже быть посвящённым, чтобы вас понимать. Значит, в связи с этим придётся мне считать себя непосвящённым. Вы всегда придумываете что-нибудь такое, что никому не понятно.

Капитан ещё раз посмотрел на удерживаемое в руке письмо генерального директора. Челюсть капитана переместилась в положение «ясно» и я услышал спасительное:

— Значит, благодарю вас. Значит, вы свободны.

АЙСБЕРГ

Знойная погода, не встречавшаяся нам ещё на этой линии, наступила сразу же после вы-

ЗНАЧИТ

хода «Полонии» из Стамбула в Яффу.

Ходили мы здесь в течение двух лет с недолгими перерывами на докование⁸ судна, но такой жары ещё не бывало. Лишь капитан, как нам казалось, её не замечал. Может потому, что только что вернулся из отпускного путешествия по Малой Азии, Египту и Африке на собственном автомобиле марки «Фиат». После возвращения из этого путешествия мы увидели его на набережной Хайфы в колониальном шлеме цвета хаки с лицом, выдубленным ветрами пустыни до коричневого цвета.

Капитан после этого обрёл ещё большую стойкость к погодным условиям и ещё большую требовательность к соблюдению дисциплины и поддержанию порядка на судне. После пустынной жары, после непереносимо горячих ветров-хамсинов, жаркая нынешняя погода в море, казалось, не производила на капитана никакого впечатления. Он не позволял себе в течение всего дня, во время самых знойных часов расстегнуть хотя бы одну пуговицу на белом накрахмаленном кителе. Во время службы нам приходилось ему соответствовать, но после вахты, отослав форменную одежду в прачечную,

лежали мы в каютах нагишом под вентиляторами.

Жёсткий этикет соблюдался по всему судну. Капитан сохранял прохладу как в образе жизни, так и в общении с большинством пассажиров. Самое развешёлое сообщество в присутствии капитана вмиг обретало серьёзность. И именно из-за этого среди пассажиров палестинской линии получил он прозвание АЙСБЕРГ.

Когда об этом псевдониме мы узнали от интенданта, в наибольший восторг пришёл шестой офицер, который перевёл это слово, как «человек, из-за которого кровь в жилах стынет».

По мере того, как увеличивалось число наших рейсов на этой линии, укреплялась нерушимость сложившихся привычек. Каждый час выхода из порта, каждый курс обретали неизменность. Если в сроковом рейсе кто-нибудь пытался сделать что-нибудь иначе, чем это делалось уже тридцать девять раз, то это самое воспринималось как несообразность.

В течение двух лет, проходя остров Икария, мы в шестнадцать часов меняли курс на траверсе мыса Папас. Вроде бы один из Римских Пап посетил этот остров и высаживался именно на этом мысу. В память об этом событии

Докование

⁸ Докование — постановка судна в док для очистки, покраски или ремонта подводной части корпуса (примеч. переводч.)

КАПИТАН

скалистую оконечность и назвали *Cape Papas* — Папский мыс.

Капитан присутствовал на мостике и сидел на лежаке. Распростёртые над всем мостиком тенты предохраняли от палящих солнечных лучей, но поливаемые водой палубы парили так, что создавалось впечатление будто мы пребываем в тропических джунглях или живём, как раки, варимся в кипятке. Жара стояла невыносимая. Мы считали минуты до окончания службы и с восхищением наблюдали за капитаном, который читал книгу. Казалось, что он совершенно не ощущал этой температуры.

Когда рулевой выбил в судовой колокол полчетвёртого, капитан неожиданно поднялся с лежака, подошёл к лееру перед рулевой рубкой и отдал распоряжение вахтенному офицеру изменить курс таким образом, чтобы подойти возможно ближе к Папскому Мысу. Это неожиданное изменение курса на полчаса раньше срока была воспринята всеми на мостике, как революция. Все ментально подумали об одном и том же — капитана жара «задела»!

Рулевой, который получил команду сменить курс в другом месте и в другое время, был явно озадачен этим распоряжением. Он громко повторил назначенный офицером курс, но таким голосом, будто от него требовалось совершить нечто неразумное, что в ближайшем же будущем повлечёт за собой неумолимые последствия.

Впервые мы рассматривали Икарию с такого небольшого расстояния. В бинокли разглядывали мы палевые, выжженные солнцем скалы. В шестнадцать часов старший офицер с удивлением принял новый курс судна. Рулевые, сменяясь, с неудовольствием прокомментировали преждевременную смену курса. Когда сменившись с вахты, мы направились в каюткомпанию, где было прохладнее, на трапе, ведущем с прогулочной палубы на шлюпочную, около четвёртого трюма нас остановил судовой врач, который вышел из своей каюты, расположенной рядом с трапом.

— Почему так рано вы сегодня изменили курс? — заговорил он с неудовольствием. Доктор, желая подтвердить свою принадлежность к навигаторам, сам вёл прокладку. Над его письменным столом был подвешен небольшой компас, а под ним разложена карта всей трассы с вычерченными курсами.

Мы не сумели объяснить ему причину смены курса.

Войдя в каюту доктора, мы обнаружили там нашего судового интенданта. Это был владеющий многими языками остаточный орган *Det Östasiatiska Kompani*, доставшийся нам по наследству от датчан вместе с судном. Он отлично говорил не только по-польски, но и ещё на нескольких языках. Только в присутствии капитана не удавалось ему вспомнить ни одного, и он с трудом бормотал что-то про себя. Лишь шестой офицер боялся капитана ещё больше, чем интендант. «Шестой», если капитан обращался к нему с вопросом, впадал в умопомрачение, интендант же, как мог, избегал разговоров с капитаном.

Однажды интенданту потребовалось о чём-то спросить капитана. Появился он на мостике и осторожно отозвал одного из нас за надстройку, говоря:

— Слушай, мне нужно поговорить с капитаном!

— Капитан ходит по мостику, так что можешь с ним поговорить.

— Я видел, но капитан же ходит и думает.

— Любой человек думает, — ответил офицер, делая вид, что не замечает боязни интенданта. А затем добавил, будто бы не понимая, в чём дело:

— Ты никогда не сможешь поговорить с капитаном, потому что, если он не спит, то наверняка думает.

Интендант посмотрел через иллюминатор штурманской рубки на капитана и прошептал:

— Ну да, ты прав, но я вижу, что капитан сейчас глубоко задумался!

И тут же вздохнув, добавил:

— АЙСБЕРГ!

И продолжал стоять в нерешительности.

Значит Капитан в летней форме

Теперь же в каюте доктора интендант шутил и весело смеялся. Он был не в состоянии понять беспокойство доктора, который был очень недоволен нарушением без видимой причины установленного традицией порядка, причём в сороковом рейсе.

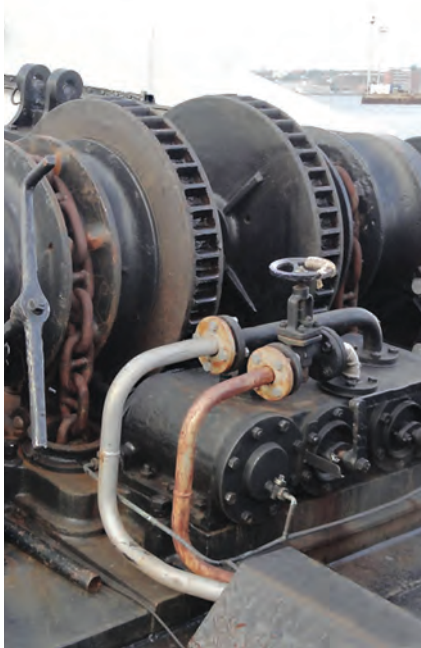
Мы объясняли изменение курса жарой или же пробуждённой в отпуске страстью капитана к посещению исторических мест. Но соглашались мы с доктором, в том, что ничего хорошего это нам не предвещает.

Тем временем наблюдали мы из каюты доктора за «огромным ипподромом», расположенным на огороженной цепями поверхности люка четвёртого трюма. Душой этой азартной игры был офицер-затейник, который двоился и троился, только бы пассажиры забыли о жаре и занялись тотализатором, как на настоящих бегах. На разноцветных беговых дорожках стояли деревянные кони, передвигаемые палубными стюардами, которые, помогая офицеру-затейнику, подшёпывали пассажирам номера коней-фаворитов, на которых стоит поставить даже серьёзные суммы.

За столиком, поставленном не вдалеке от игрового поля, сидела самая красивая пассажирка, которую по-видимому удалось «затейнику» уговорить бросать кости на конкретных коней. Каждый конь двигался в направлении финиша на расстояние, равное числу очков, выпавших на брошенных костях.

Продолжение на 26-й стр.

Паропровод к судовой лебёдке

Начало на 16-й стр.

ТУТ же рядом с беговым полем между грузовой лебёдкой и цепным ограждением проходил паропровод, питающий этот механизм. Сверху эта труба была прикрыта сплошным металлическим ограждением на тридцатисантиметровых стойках. Ограждение должно было защищать паропровод от повреждения при грузовых работах. Именно около этой трубы расположилась семья, состоящая из отца, матери и двухлетнего сынишки.

Мать приобрела несколько билетов и полностью отдалась слежению за гонками деревянных лошадей. Ребёнка же усадила она на стальном ограждении.

В это самое время электрик решил обследовать паропровод к лебёдке, который дал течь где-то на смежной палубе. Он подал пар, проверяя таким образом герметичность трубы. Паропровод быстро разогрелся, а от него разогрелось и ограждение, и стало слегка подогрывать сидящего на ней мальчика. Ребёнок пожаловался матери, что ему горячо. Добрая мама раскрыла над ним зонтик и защитила ребёнка от палящих солнечных лучей.

Несмотря на царящую жару пассажиры продолжали приобретать билеты, всё больше денег добавлялось в кассу и возрастала вероятность крупного выигрыша.

Мальчика беспокоил жар, а мать волновал то-

ЗНАЧИТ

тализатор. Ребёнок, несмотря на раскрытый над ним зонтик, продолжал жаловаться на то, что ему горячо. Мать, увлечённая игрой, считала, что эти капризы мешают ей внимательно следить за ходом бегов. Поэтому прижала она мальчика ещё крепче, чтобы тот сидел спокойнее. Мальчик, однако, не переставал хныкать и повторять: «Горячо! Горячо!»

Наконец, отец, выведенный из себя, забрал у матери зонтик и сам прикрыл ребёнка от солнца, и ещё крепче прижал его к ограждению паропровода, чтобы не мешал матери. Мальчик тут же заголосил: «Ой, горячо, горячо!»

Вопли мальчика вывели из равновесия стоящих рядом с ним пассажиров, поскольку крик мальчика мешал им расслышать номера лошадей, объявляемых офицером-затейником, и количество очков, выпавших на бросаемых прекрасной пассажиркой костях. Пассажиры принялись унимать ребёнка. Все соглашались с мальчиком, что в самом деле горячо, и помогали отцу прижимать дитя к горячему ограждению и прикрывать его от солнца. При этом один из пассажиров споткнулся и опёрся рукой об ограждение, тут же отскочил от него и закричал:

— Вы хотите зажарить ребёнка живьём? Он сидит на раскалённом железе!

Родители тут же принялись кричать. Мать запричитала:

— Обжётся весь мой ребёночек! Сыночек мой дорогой!

Плакала она при этом громче, чем «обожжённый» ребёнок. Ещё громче принялся орать отец. Офицер-затейник одним махом метнулся к каюте доктора и вызвал его на палубу.

Доктор вышел на палубу с моноклем в глазу. Поскольку не наблюдал он с нами корабельного дерби, в первую минуту трудно ему было сориентироваться, в чём собственно дело? Кого спасать? Кто обжётся? Кричала теперь не только семья, но и всё ближайшее окружение. Доктор понял, что все жалуются на жаркое солнце, а не на трубу. Он беспомощно стоял посреди кричащих пасса-

жиров. В этой неистовствующей от жары и причитающей над живьём зажаренным ребёнком толпе только один из палубных стюардов проявил сообразительность. Недолго думая он вырвал у матери «живьём зажаренного» ребёнка, и, чтобы облегчить осмотр, спустил мальчику штанишки, после чего подsunул доктору под нос четыре покрасневшие букочки.

Доктор поправил монокль и, как обычно, когда хотел что-либо рассмотреть, выдвинул вперёд нижние зубы, пряча за ними верхнюю губу. Он внимательно осмотрел подsunутую ему стюардом часть тела и заявил, что ничего серьёзного не видит. Это заключение доктора задело мать ребёнка. Она вырвала дитя из рук стюарда и, показывая всем присутствующим эту покрасневшую часть тела, кричала, что каждый может лично убедиться, как страшно её ребёнок живьём зажарился:

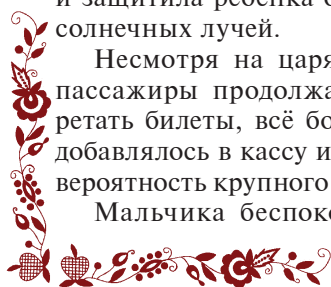
— Пан доктор в монокль ничего толком разглядеть не может! Разве через одну линзу так обожжённого ребёнка рассматривают? Если пан доктор не видит, то пусть наденет для обследования очки, а не монокль. Ребёнок весь обожжён и уже никогда не сможет удобно сидеть! Бедный мой любимый ребёночек!

Все пассажиры были на стороне матери. Все были возмущены доктором, который обследует ребёнка в маленький монокль и даёт оценку, сгорел тот или нет.

Доктор поспешно забрал ребёнка к себе в амбулаторию, намазал его какой-то мазью и через несколько минут мальчик уже обо всём забыл.

Под вечер жара спала, но внутри судна было ещё очень жарко. Стальные борта и палубы прожаривались весь день, создавая вечером невыносимо высокую температуру. Вентиляторы гоняли по салонам раскалённый воздух, осушая его, но не охлаждая. Есть горячие блюда в этих условиях было бы несоответственно.

Шеф-повар решил предложить великолепный литовский холодец. Пассажиры с опасением входили

КАПИТАН

в раскалённую столовую, тут же покрываясь потом, хотя перед обедом все выкупались и переоделись. За капитанским столом сидели две дамы, которые по-видимому уж очень сильно почувствовали сегодняшнюю жару и поэтому пришли в столовую очень легко одетыми. Бюсты они опоясали некоей импровизацией из цветного шёлка, а бёдра прикрыли пляжными фантазиями. Капитан в изящном воротничке критическим взглядом оценивал легко одетых дам.

Подали холодец.

Одна из дам, грудастая брюнетка с шоколадным загаром, потянулась сама за далеко от неё стоящей солонкой. Результат этого движения оказался роковым. Белая, незагоревшая грудь выпала из повязки и, как созревший плод, упала в тарелку, разбрызгивая холодец во все стороны! Шоколадная красotka прикрыла мокрую грудь салфеткой и выбежала из салона.

Очевидцы не были в состоянии точно воспроизвести то, что затем произошло за капитанским столом. Энтузиазм, охвативший всех сидящих, уже готов был вылиться в оглушительный хохот, когда беглый взгляд на капитана парализовал желание проявить радость. На его лице не дрогнул ни один мускул, не пробежала даже тень, которая могла бы свидетельствовать, что он заметил что-нибудь неуместное или радостное. От него шёл холод серьёзности и спокойствия. Капитан продолжал обедать, внимательно наблюдая за сотрапезниками, чтобы не доесть своё блюдо раньше других, не желая тем самым никого торопить.

Столовый салон на «Полонии»

Стюарды ждали лишь знака убирать тарелки.

Во время этого обеда дамы, сидящие за капитанским столом, выглядели так, будто у них в горле застряло что-то, и они никак не могли перевести дух. У мужчин же дыхание перехватывало столь явственно, что слёзы наворачивались им на глаза. Некоторые, на манер чревовещателей, стали издавать из себя странные звуки. Мужчинам, соседям шоколадной красавицы, двое стюардов чистили одежду, залитую холодцом. Пятно на скатерти прикрыли свежей салфеткой, однако неосторожная дама на это место уже не вернулась.

Капитан, казалось, не замечал ни этой суеты, ни проявления сдерживаемого ликования, так же, как не замечал и жары.

Этим вечером все старались отобедать побыстрее. Никогда ещё салон не пустел так скоро. Те, кто после выхода оказывались вне поля зрения капитана, вели себя как малые дети. Подскакивали от радости, взрывались хохотом, держа других в объятиях. А тут и брызги слёз полетели из глаз. Все пытались поделить друг с другом впечатлениями и муками вынужденного сдерживания веселья. Те, кто понятия не имел, что же произошло, требовали объяснений, но долго им пришлось ждать, пока очевидцы смогли прийти в себя. Дамы же испытывали наибольший восторг, и опирались о леера, будто пережить этот случай сил им не хватало. Такой неистовой радости на «Полонии» ещё ни разу не отмечалось.

Капитан из салона тут же поднялся на мостик. Челюсть-барометр указывала на *HURRICANE* — «Ураган!» Через мгновение на трапе, ведущем на мостик, показался застёгнутый до последней пуговицы истекающий потом интендант. Капитан, увидев его, направился в каюту. За ним, как на эшафот, пошагал интендант. Через открытые иллюминаторы на мостик доносились обрывки разговора:

— Значит, у вас сегодня всё не в порядке! Значит, корабельная

Реклама палестинской линии

матушка! Значит, чем она у вас занята? Значит, почему не смотрит за детьми? Значит, никто за детьми не смотрит? Значит, я вынужден вам об этом напоминать.

На эту массу вопросов интендант, по-видимому, что-то отвечал, но говорит он так тихо, что на мостике этого слышно не было.

— Значит, если электрик что-то такое делает, значит, должен вас предупредить! Значит, электрик вас предупредил?

Продолжительная тишина, которая, возможно, была тихим ответом.

— Значит, если докладывал, значит, почему никто не проверил, не сидит ли кто-нибудь на трубе? Значит, за всем уследить штурманские офицеры не в состоянии. Значит, вы не в порядке!

Недолгая тишина, после которой вновь раздался капитанский голос:

— Значит, чем у вас заняты гофмейстеры? Значит, что делает ассистент гофмейстера, который специально обязан следить исключительно за столовым салоном? Значит, если столь безответственно одетая дама заходит в салон на обед, значит, в его обязанности входит перед ней извиниться и обратить её внимание на несоответствующую одежду. Значит, я надеюсь, вы знаете, что случилось? Значит, вы позаботились о костюмах этих господ? Значит, я требую, чтобы гофмейстеры лучше, чем до сих пор, заботились о порядке. Значит, благодарю вас!

Продолжение следует

НЕ ХВАТАЕТ слов, чтобы хоть как-то заглушить скорбь и боль, заполнившие наши души. Я лично знал Валерия ещё с конца 1980-х годов, когда мы собирались в Английском клубе в Доме учёных. В то же самое время Английский клуб посещала и легенда советского спорта, четырёхкратная олимпийская чемпионка Людмила Ивановна Брагина, где они тесно общались.

Ушёл от нас настоящий, доброй души человек, Человек с большой буквы. Валерий происходил из благогородной семьи. Его отец — Арефий Агеевич Стрельцов, проработавший более 50 лет на Краснодарском фарфоро-фаянсовом заводе «Чайка», был членом Союза художников СССР, получил почётное звание «Заслуженный Художник России». Его творения имели огромный успех не только среди театральной и эстрадной богемы, но и у обычных людей. Вазы и другие изделия с его росписью покупали такие мэтры отечественной эстрады, как Иосиф Кобзон и Алла Пугачёва. Мама Валерия — Ирина Цезариевна Ратушинская — была родом из польской дворянской семьи.

Валерий был настоящим самородком, обладал огромными дарованиями. По своим знаниям и широкой эрудиции мог он дать «фору» любому профессору университета. Валерий знал несколько иностранных языков. Помимо своего родного польского, он также свободно общался и на итальянском, и на английском и на эсперанто. И рисовал он искусно. Его рисунки были опубликованы в различных журналах и газетах в Америке. С Валерием всегда было интересно общаться, он обладал огромными познаниями практически по любому вопросу науки и техники, как бы это банально ни прозвучало.

ВАЛЕРИЙ СТРЕЛЬЦОВ

Ушёл из жизни наш добрый друг и товарищ Валерий Арефьевич Стрельцов (19.09.1956 — 10.01. 2017).

Валерий сыграл ключевую роль в становлении Польского национально-культурного центра «Единство». Он был одним из его основателей. Для Валерия общение с друзьями и знакомство с культурами других народов стало жизнеутверждающей платформой. За несколько лет до ухода из жизни Валерий посетил Польшу, страну своих предков, которую он так давно мечтал увидеть. Он также принимал активное участие в деятельности общества «Друзья Таллахасси», существовавшего в 1980—1990-е годы. Таллахасси — столица штата Флориды и город-побратим Краснодара. Тогда же впервые в нашу страну стали приезжать группы туристов и студентов из Америки, и наши делегации также неоднократно посещали США, в частности, Флориду и Таллахасси. Валерий был активным участником этого движения «народной дипломатии».

Будучи знатоком языка эсперанто, Валерий активно переписывался с эсперантистами со всего мира, а также принимал участие в работе клуба эсперантистов.

Помимо интеллектуальной деятельности, Валерий страстно увлекался футболом и многими видами спорта. Он был постоянным посетителем футбольных матчей, знал практически всё о кубанском футболе, мог на память назвать многих игроков футбольных команд как Кубани, так и футбольного клуба «Краснодар», не говоря уже о таких элитных клубах, как «Спартак» или «Ди-

намо». Его статьи о польском и кубанском футболе появлялись в печати, что говорит об его увлечённости этой темой. Кроме футбола и спорта, Валерий также увлекался эстрадной музыкой. Он обладал обширной фонотекой как западной музыки в стиле рок-н-ролл и джаз, так и советской и российской эстрады, которой позавидовали бы многие ценители музыки. С ним всегда было интересно поговорить на многочисленные музыкальные темы. Эти беседы могли длиться часами и его всегда было любопытно послушать. Всю свою жизнь Валерий хотел научиться играть на фортепиано и совсем недавно он для этой цели приобрёл синтезатор, на котором так увлечённо пытался играть.

Валерий довольно прохладно относился к деньгам. В последние годы своей жизни он тяжело болел и ему нужны были средства на операцию. Хотя операция на ноге была ему необходима, он стеснялся просить о помощи друзей и родственников.

Деньги для него не были приоритетом в жизни. Главной была бескорыстная помощь другим людям, в какой-то мере жертвенность его личности. За это мы Валерия всегда ценили и будем помнить.

Помимо жены Валентины, у Валерия осталось четверо детей, трое внуков и многочисленные родственники.

Нам будем тебя очень не хватать. Да будет земля тебе пухом. Покойся с миром, наш добрый друг!

Николай ГЛУЩЕНКО

ГОД ПЕТУХА-2017

*Ждали-ждали, не скучали —
Красный огненный ПЕТУХ!
Мы и так не вылезали
Из различных заварух!*

*А с таким-то забиякой
Нам чего от жизни ждать?
Не закончилось бы дракой,
А ведь курам разнимать!*

*Нам бы мира на насесте!
Мы устали враждовать,
Чтоб курятником, все вместе,
Дружно сели пировать!*

*Мы про ПЕТЮ много знаем:
Эгоист он, ждёт похвал,
Эксцентричный — подтверждаем! —
Льстивый бабник и нахал!*

*Рубит смело правду-матку
И командовать горазд.
Предприимчивость и хватку
Мы видали, и не раз!*

*Он практичный, бережливый
И ответственный отец,
Он и мачо шаловливый
И заносчивый гордец!*

*Прагматичность с реализмом
Сочетает наш ПЕТУХ.
Так вперед и с оптимизмом
Он ведёт своих пеструх!*

*Ну и вы, друзья, не бойтесь!
Мы прорвёмся, не впервой!
Сядьте прямо, успокойтесь,
И... в работу с головой!*

*А в аптечке вы не ройтесь,
Здесь рецепт на год простой:
Рюмка водки, валерьянка,
В общем, средства под рукой!*

Елена БРОДОВСКАЯ

ROK KOGUTA-2017

*Wyczekaliśmy w beztrosce —
Zjawił się ognisty KUR!
Nam nie dało się wypłatać
Z rozmaitych awantur!*

*Z takim właśnie zawadiaką
Czym uraczy życie nas?
Jeśli to się skończy draką —
Kury będą gasić waśń!*

*Byle rozejm był na grzędzie!
Omijały swary nas,
Oby ptactwo mogło wszędzie
Biesiadować w dobry czas!*

*O KOGUCIE sporo wiemy:
Na pochwały sobek lasy,
Jest dziwaczny do cholery! —
I babiarzem po wsze czasy!*

*Nieklamaną prawdę głosi,
Na dowódce się zanosí.
Zaradności oraz sprytu
Udzielono mu dosytu!*

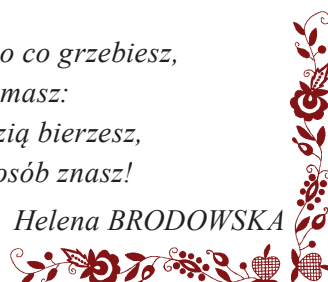
*On praktyczny i oszczędny,
Ojciec z niego pewny jest.
Jako macho — pierwszorzędný,
Zaś zarozumialec — fest!*

*Pragmatyczność z realizmem
Łączy w całość KOGUT nasz.
Dążąc naprzód z optymizmem
On prowadzi ptasi marsz!*

*Precz z obawą, przyjaciele!
Nie pierwszyczna zburzyć mur!
Po spoczynku mamy śmieie
Działać jako zgodny chór!*

*Zaś w apteczce po co grzebiesz,
Skoro tu receptę masz:
Walerianę z wódką bierzesz,
Bowiemy teraz sposób znasz!*

Helena BROWOWSKA

- 815 lat** – W Kaliszu zmarł Mieszko III Stary (13.03.1202).
- 735 lat** – Układ w Kępnie – książę gdański Mściwój zapisał całe swoje księstwo Przemysłowi II, księciu wielkopolskiemu (15.02.1282).
- 605 lat** – Z inicjatywy rycerza Zawiszy Czarnego odbył się w Lubowli na Spiszu zjazd polsko-węgierski (15.03.1412).
- 595 lat** – Ślub Władysława Jagiełły z księżniczką holszańską Zofią (7.02.1422).
- 530 lat** – Utworzenie biskupstwa rzymsko-katolickiego w Wilnie (17.02.1487).
- 525 lat** – Rozpoczął się zjazd senatorów i posłów ziemskich w Piotrkowie, który uznano jako pierwszy sejm walny (18.01.1492).
- 525 lat** – Zakończył się zjazd senatorów i posłów ziemskich w Piotrkowie, który uznano jako pierwszy sejm walny (27.02.1492).
- 510 lat** – Koronacja w katedrze wawelskiej Zygmunta I Starego na króla Polski (24.01.1507).
- 505 lat** – Ślub Zygmunta I Starego z Barbarą Zapolyą, księżniczką węgierską (7.02.1512).
- 500 lat** – Zawarto przymierze antypolskie przez Albrechta Hohenzollera, wielkiego mistrza krzyżackiego z Wasylem III, księciem moskiewskim (10.03.1517).
- 365 lat** – Pierwszy wypadek wykorzystania zasady „liberum veto” (9.03.1652).
- 330 lat** – Zmarł Jan Heweliusz, wielki astronom (28.01.1687).
- 300 lat** – Odbył się pod presją wojsk rosyjskich tzw. Sejm Niemy”, na którym żaden z posłów nie był dopuszczony do głosu (1.02.1717).
- 270 lat** – Urodził się Kazimierz Pułaski, najwybitniejszy partyzant Konfederacji Barskiej, bohater narodowy Stanów Zjednoczonych (4.03.1747).
- 225 lat** – W Targowicy magnaci: Szczęśny Potocki, Seweryn Rzewuski i Ksawery Branicki ogłosili konfederację w celu przywrócenia dawnego porządku i obalenia Konstytucji 3 maja. Targowiczanie zwrócili się do cesarzowej Katarzyny II o pomoc militarną (17.02.1792).
- 220 lat** – Generał Jan Henryk Dąbrowski podpisał umowę z rządem Republiki Lombardzkiej o powołaniu Legionów Polskich posilających Lombardię (9.01.1797).
- 220 lat** – Podpisanie przez Rosję, Prusy i Austrię konwencji rozbiorowej zawierającej stwierdzenie, że Królestwo Polskie „obecnie i na zawsze uznane jest za nieistniejące” (26.01.1797).
- 210 lat** – Napoleon powołał w Warszawie 7-osobową Komisję Rządzącą (14.01.1807).
- 205 lat** – Powstał V Korpus Wielkiej Armii (napoleońskiej) złożony z Polaków pod dowództwem księcia Józefa Poniatowskiego (5.03.1812).
- 200 lat** – W Królestwie Polskim powołano Korpus Górniczy skupiający pracowników rządowych hut i kopalń (12.03.1817).
- 205 lat** – Urodził się hrabia Zygmunt Krasiński, dramatopisarz i poeta (19.02.1812).
- 195 lat** – Urodził się Ignacy Łukasiewicz, aptekarz, twórca polskiego przemysłu naftowego (8.03.1822).
- 195 lat** – Zmarł Józef Wybicki, autor teksta Mazurka Dąbrowskiego (10.03.1822).
- 185 lat** – Ogłoszenie przez cara Mikołaja I Statutu Organicznego dla Królestwa Polskiego w miejsce odwołanej konstytucji. Królestwo Polskie straciło swą odrębność (26.02.1832).
- 160 lat** – Urodziła się Gabriela Zapolska (z domu Korwin Piotrowska), pisarka, publicystka, aktorka (30.03.1857).
- 150 lat** – We Lwowie utworzono pierwsze koło paramilitarnej organizacji młodzieżowej Polskie Towarzystwo Gimnastyczne „Sokół” (7.02.1867).
- 150 lat** – W Petersburgu powołano Kolegium Rzymskokatolickie, które miało kierować działalnością Kościoła katolickiego w Rosji (22.05.1867).
- 130 lat** – Zmarł Józef Ignacy Kraszewski, pisarz, historyk, działacz polityczny, publicysta (19.03.1887).
- 125 lat** – Urodził się Melchior Wańkowicz, pisarz i publicysta (10.01.1892).
- 125 lat** – Urodził się Stefan Banach, profesor, twórca lwowskiej szkoły matematycznej (20.03.1892).
- 115 lat** – Urodził się Józef Maria Bocheński, logik i filozof (20.01.1902).
- 115 lat** – Urodził się Stanisław Maria Saliński, pisarz (13.02.1902).
- 110 lat** – Urodził się Stanisław Ryszard Dobrowolski, prozaik, poeta, satyryk, działacz społeczny polityczny i kulturalny (14.03.1907).
- 105 lat** – Urodził się Adolf Rudnicki, prozaik, eseista, felietonista (19.02.1912).
- 100 lat** – Polacy służący w armii rosyjskiej powołali Związek Wojskowych Polaków. W tym czasie w armii rosyjskiej służyło 700 tysięcy Polaków, w tym ponad 100 generałów i 20 tysięcy oficerów (24.03.1917).
- 95 lat** – Urodził się Janusz Przymanowski, prozaik, publicysta, scenarzysta filmowy (20.01.1922).
- 90 lat** – W Warszawie odbywał się I Międzynarodowy Konkurs Pianistyczny im. Fryderyka Chopina (23-30.01.1927).
- 90 lat** – Mazurek Dąbrowskiego został hymnem Polski (26.02.1927).
- 90 lat** – Na Wawelu uroczystie pochowano prochy Juliusza Słowackiego sprowadzone z Francji (28.06.1927).
- 85 lat** – W Warszawie odbywał się II Międzynarodowy Konkurs Pianistyczny im. Fryderyka Chopina (7-21.03.1932).
- 80 lat** – Powstała decyzja o utworzeniu Centralnego Okręgu Przemysłowego (5.02.1937).
- 80 lat** – Urodził się Edward Stachura, poeta (18.03.1937).
- 80 lat** – W Łozannie zmarł Karol Szymanowski, jeden z najwybitniejszych kompozytorów polskich (29.03.1937).
- 75 lat** – Rozpoczęła się ewakuacja do Iranu Armii Polskiej w ZSRR pod dowództwem generała Andersa (24.03.1942).
- 70 lat** – Premiera pierwszego powojennego filmu Zakazane piosenki (8.01.1947).
- 70 lat** – Odbyły się sfałszowane wybory do Sejmu Ustawodawczego (19.01.1947).
- 70 lat** – W Bieszczadach w zasadce dokonanej przez oddziały UPA zginął wiceminister obrony narodowej generał Karol Świerczewski (28.03.1947).
- 55 lat** – Zmarł wybitny poeta i tłumacz Władysław Broniewski (10.02.1962).
- 50 lat** – W tragicznym wypadku zginął we Wrocławiu znakomity aktor Zbigniew Cybulski (8.01.1967).

Młody może umrzeć, a stary musi

Ни по старости мрут, ни по молодости живут

Sama starość stoi za chorobę

Старость не радость, а и смерть не корысть

Przy czystym sumieniu zaśniesz smacznie i na kamieniu

У меня подушка в головах не вертится

I najmądrzejszym zdarza się w głupstwo uwierzyć

На всякого мудреца довольно простоты

Lepiej się potknąć nogą, niż językiem

Лучше оступиться, чем оговориться

I w bajce bywa trochę prawdy

В каждой шутке есть доля правды

Starzy ludzie dwa razy dziećmi

Старый что малый

Morze przepłynął, na Dunajcu zginął

И на старуху бывает проруха

Spiesz się powoli

Поспешай медленно

Co nagle, to po diable

Делали наспех, а сделали насмех

Każdy ptak według swego nosa śpiewa

Всякая сосна своему бору шумит

Małych ptaków małe gniazda

По Сеньке и шапка

**WIADOMOŚCI
POLSKIE**

Nr 1 (53) 2017 r.

**ПОЛЬСКИЕ
ВЕДОМОСТИ**

№ 1 (53) 2017 г.

PISMO POLAKÓW Z POŁUDNIA ROSJI.

Poczta elektroniczna: wiadpol@mail.ru. Nakład 999 egz.

Redaktor naczelny – Aleksander SIELICKI: tel. +7 918 217 9077

Sekretarz – Aleksander PIOTROWSKI: P.O.Box 30, Krasnodar–centrum, 350000, Rosja

ИЗДАНИЕ ПОЛЯКОВ ЮГА РОССИИ.

Электронная почта: wiadpol@mail.ru. Тираж 999 экз.

Главный редактор – Александр СЕЛИЦКИЙ: тел. +7 918 217 9077

Секретарь – Александр ПЕТРОВСКИЙ: А.Я. 30, Краснодар-центр, 350000, Россия

